

Лиссбет Котцова

ИЗМЕНА.
ДЕВОЧКА
С ЕГО ГЛАЗАМИ

Лиссбет Котцова

Измена. Девочка с его глазами

«Литнет»

2026

Котцова Л.

Измена. Девочка с его глазами / Л. Котцова — «Литнет», 2026

ФИНАЛВ день десятой годовщины свадьбы Алина ждала мужа с ужином, вином и надеждой, что они еще смогут быть счастливы. Но вместо Максима на пороге появилась девочка с красным чемоданом.— Мама умерла. Она сказала, что мой папа живет здесь. У девочки были его глаза. Его фамилия в документах. И письмо от женщины, о которой Алина не знала восемь лет. Максим клялся, что любит только жену. Держал ее за руку после неудачных попыток стать матерью. Утешал, когда врачи снова говорили: «не получилось». И все это время где-то росла его дочь. Теперь мать девочки мертва. Ребенку угрожают. Семья Максима требует отдать ее чужим людям. Алина должна решить, кто перед ней: живое доказательство измены мужа — или маленький человек, которого взрослые уже однажды предали. Она не обязана прощать. Но сможет ли она возненавидеть девочку с его глазами? В книге есть: измена мужа, ребенок на стороне, сильная героиня, тайна смерти любовницы, семейные скандалы, борьба за девочку, боль бесплодия, предательство, расследование, развод, неожиданные чувства и выбор, который изменит жизнь всех героев. Это история о женщине, у которой забрали веру в любовь, но не смогли забрать способность быть человеком.

© Котцова Л., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Девочка с чемоданом	5
Глава 2. Он всегда знал	10
Глава 3. Ночь без сна	18
Глава 4. Письмо Ольги	26
Глава 5. Свекровь	35
Глава 6. ДНК не нужно	44
Глава 7. Второй конверт	55
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Глава 1. Девочка с чемоданом

Алина всегда знала: беда не приходит с громом.

Она приходит тихо.

Сначала — в виде непогашенного света в прихожей, хотя Максим никогда его не забывал. Потом — в виде странной тишины в квартире, где на столе уже стояли две тарелки, два бокала и бутылка красного вина, которое они берегли с прошлого Нового года. Потом — в виде сообщения от мужа: **«Задержусь на час. Не начинай без меня. Люблю»**.

Алина посмотрела на экран и усмехнулась.

Не начинай без меня.

Будто она могла начать их годовщину одна.

Десять лет брака. Десять лет — это не дата, а целая страна, через которую они прошли пешком. С больницами, анализами, надеждами, молчаливыми поездками домой после очередного «пока не получилось». С улыбками на чужих детских праздниках. С фразами родственников: «Да вы просто отпустите ситуацию». С теми ночами, когда Алина лежала рядом с Максимом и делала вид, что спит, чтобы он не слышал, как она плачет.

Он тогда всегда обнимал ее со спины и шептал:

— Мне не нужен никто, кроме тебя.

И она верила.

Не потому, что была глупой. А потому, что иногда женщине нужно во что-то верить, иначе она рассыплется прямо среди собственной кухни, где на плите остывает мясо, а в духовке терпеливо ждет яблочный пирог.

Алина поправила салфетки у тарелок. Потом передвинула свечу на сантиметр левее. Потом снова на сантиметр правее.

Подарок для Максима лежал в спальне, под подушкой. Глупо, конечно. Взрослые люди не прячут подарки под подушкой. Но Максим всегда смеялся, когда находил их там. В этом смехе было что-то прежнее, мальчишеское, такое, что Алина каждый раз думала: вот он, мой человек. Даже если жизнь у нас вышла не такой, как мы планировали.

Она подошла к зеркалу в прихожей.

Темно-синее платье, открытая шея, серьги с маленькими жемчужинами. Волосы собраны низко, небрежно, как будто она не потратила на это сорок минут. На лице — спокойствие. Хорошо отрепетированное, дорогое спокойствие женщины, которая научилась не показывать, где у нее болит.

В дверь позвонили.

Алина вздрогнула.

Звонок был короткий. Неуверенный.

Она посмотрела на часы. До возвращения Максима оставалось как минимум сорок минут. Курьер? Соседка? Может, муж решил устроить сюрприз и прислал цветы?

От этой мысли ей стало тепло. Нелепо тепло, как девочке.

Алина открыла дверь.

На пороге стоял ребенок.

Девочка лет восьми, может, девяти. В слишком тонкой для майского вечера куртке, с мокрыми от дождя волосами, прилипшими к вискам. В одной руке она держала маленький красный чемодан на колесиках. В другой — сложенный пополам лист бумаги.

У девочки были серые глаза.

Такие же, как у Максима.

Алина не сразу это поняла. Сначала она увидела только чужого ребенка в своем подъезде. Потом — его бледное лицо. Потом — дрожащие пальцы, вцепившиеся в ручку чемодана.

— Ты потерялась? — спросила Алина.

Девочка молчала.

— Где твоя мама?

Вот здесь ребенок моргнул. Один раз. Медленно. Будто вопрос ударил ее не впервые, но все еще больно.

— Мама умерла, — сказала она.

Алина почувствовала, как внутри что-то резко сжалось.

Она уже хотела присесть перед девочкой, позвать ее в квартиру, дать воды, спросить имя, вызвать полицию — все правильные взрослые действия выстроились в голове ровной шеренгой.

Но девочка подняла лист бумаги.

— Она сказала, если с ней что-то случится, я должна прийти сюда.

Алина взяла лист.

Бумага была влажной по краям. Почерк — неровный, торопливый. Несколько строк расплылись от воды или слез. Первым делом Алина увидела свое имя.

Алина.

Не «Здравствуйте». Не «Простите». Не «Я не знаю, как это сказать».

Просто: Алина.

Пальцы похолодели.

Она медленно подняла глаза на девочку.

— Как тебя зовут?

— Лера.

— Лера... — повторила Алина. — А фамилия?

Девочка сжала губы. В этот момент в ней вдруг появилось что-то взрослое, колючее, почти злое.

— Моя или папина?

Воздух в подъезде закончился.

Алина слышала, как где-то наверху хлопнула дверь. Как по трубам пробежала вода. Как в квартире за ее спиной тихо потрескивала свеча на праздничном столе.

— Что ты сказала? — спросила она.

Лера посмотрела прямо. Без детской растерянности. Без просьбы. Даже без надежды.

— Мама сказала, мой папа живет здесь. Его зовут Максим Громов.

У Алины была странная привычка: в самые страшные моменты она замечала мелочи.

Скол на периле у стены. Грязную каплю на носке ботинка девочки. Нитку, торчащую из ее рукава. Свой собственный вдох — слишком громкий, слишком чужой.

Максим Громов.

Ее муж.

Ее десять лет.

Ее «мне не нужен никто, кроме тебя».

Алина посмотрела на письмо. Строки прыгали перед глазами.

«Я не прошу у тебя прощения. Знаю, что не имею права. Но Лера не виновата. Максим знает. Он всегда знал. Если он скажет, что это ошибка, не верь ему. В конверте документы. И еще кое-что, о чем он тебе никогда не расскажет...»

Дальше текст расплылся.

Алина прислонилась плечом к дверному косяку.

— Где конверт?

Девочка кивнула на чемодан.

— Внутри.

— Ты одна приехала?

— На такси.

— Кто посадил тебя в такси?

— Тетя из больницы.

— Из какой больницы?

Лера отвела взгляд.

— Я не знаю. Она сказала, что не может меня оставить. Что у меня есть отец.

Последнее слово повисло между ними, как нож.

Отец.

Алина никогда не произносила это слово вслух рядом с Максимом. Не потому, что он запрещал. Просто оно было слишком острым. Они обходили его, как люди обходят место аварии, где еще вчера лежали осколки стекла.

Отец.

У него, оказывается, было это слово. Просто не с ней.

— Сколько тебе лет? — спросила Алина.

— Восемь.

Восемь.

Алина медленно закрыла глаза.

Восемь лет назад она лежала в белой больничной палате после первой неудачной процедуры. Максим сидел рядом, держал ее руку и повторял, что они справятся. Что они семья. Что никто и ничто их не сломает.

Восемь лет назад где-то другая женщина была беременна от ее мужа.

Алина открыла глаза.

Лера всё еще стояла на пороге. Маленькая, мокрая, усталая. Живая.

И совершенно не виноватая.

Это было хуже всего.

Если бы перед Алиной стояла та женщина — любовница, разрушительница, призрак из чужой постели, — Алина, возможно, нашла бы в себе силы кричать. Или ударить. Или хотя бы захлопнуть дверь.

Но перед ней стоял ребенок.

С его глазами.

— Заходи, — сказала Алина.

Лера не двинулась.

— Я ненадолго.

— Что?

— Я ненадолго, — повторила девочка. — Он может просто подписать бумагу, что я ему не нужна. Тогда меня заберут.

У Алины перехватило горло.

— Кто тебя заберет?

Лера пожала плечами.

— Не знаю. Там сказали, есть разные места.

Разные места.

Приют. Опекунство. Чужие стены. Чужие руки. Чужая кровать, где ребенок будет лежать и думать, почему взрослые снова решили ее судьбу, даже не спросив.

Алина отступила в сторону.

— Заходи, Лера.

Девочка вошла осторожно, будто в квартиру, где нельзя трогать воздух. Чемодан тихо простучал колесиками по порогу.

В прихожей она остановилась и посмотрела на зеркало. На отражение Алины в синем платье. На праздничный стол в глубине квартиры. На две тарелки. На свечи.

— У вас праздник? — спросила она.

Алина не ответила.

Лера сама поняла. Опустила глаза.

— Простите.

Это «простите» было таким взрослым, что Алине стало почти физически больно.

— Тебе не за что просить прощения.

— Все так говорят, — тихо сказала девочка. — А потом смотрят так, будто есть.

Алина отвернулась первой.

Она прошла на кухню, достала стакан, налила воды. Руки слушались плохо. Стакан звякнул о край раковины.

Из прихожей донесся голос Леры:

— Он хороший?

Алина замерла.

— Кто?

— Максим.

Муж. Отец. Предатель.

Три человека в одном имени.

Алина поставила стакан на стол.

— Я думала, что да.

Лера вошла в кухню и остановилась у двери. Смотрела не на Алину, а на пирог в духовке.

— Мама тоже так думала.

И снова — удар.

Не громкий. Не с криком. Просто короткая фраза, от которой мир меняет форму.

Алина медленно повернулась к ней.

— Твоя мама знала, что он женат?

Лера подняла на нее глаза.

— Сначала нет.

— А потом?

Девочка долго молчала.

— Потом плакала.

Алина сжала край стола так сильно, что побелели костяшки пальцев.

В этот момент в замке повернулся ключ.

Они обе услышали это одновременно.

Лера резко выпрямилась. Алина даже не обернулась. Она стояла посреди кухни в темно-синем платье, с бокалом вина на столе, с чужим ребенком у двери и письмом мертвой женщины в руке.

Дверь открылась.

— Алиночка, я дома! — раздался голос Максима. — Прости, пробки адские. Я цветы купил, только они немного...

Он замолчал.

Алина услышала, как в прихожей упала обертка букета. Тот самый шорох целлофана, который почему-то прозвучал громче крика.

Максим стоял у двери с белыми розами в руке и смотрел на Леру.

Лицо его изменилось мгновенно.

Не удивление. Нет.

Ужас.

Узнавание.

Вина.

Алина увидела это и поняла: письмо не лгало.

Он знал.
Всегда знал.
Лера сделала маленький шаг назад, словно сама испугалась того, что увидела в его глазах.
— Папа? — спросила она.
Слово прозвучало тихо.
Но в нем рухнуло всё.
Максим открыл рот, но не произнес ни звука.
Алина ждала. Одну секунду. Вторую. Третью.
Пусть скажет, что это ошибка. Пусть соврет. Пусть попытается. Пусть сделает хоть что-нибудь, чтобы она могла ненавидеть его сразу, целиком, без остатка.
Но Максим только смотрел на девочку.
И молчал.
Тогда Алина положила письмо на стол.
Очень аккуратно. Почти бережно.
— С годовщиной, — сказала она.
Максим побледнел.
— Алина...
Она подняла руку, останавливая его.
— Не сейчас. Не при ней.
Лера посмотрела на Алину. Быстро, недоверчиво. Будто не ожидала защиты именно от нее.
Алина сама не ожидала.
Она подошла к духовке и выключила ее. Пирог внутри так и остался недопеченным — с золотистой корочкой по краям и сырой серединой.
Как их брак, подумала Алина.
Красивый сверху. Непригодный внутри.
Телефон Максима вдруг зазвонил.
Он дернулся, посмотрел на экран и резко сбросил вызов.
Но Алина успела увидеть имя.
Марина Викторовна. Адвокат.
Через секунду пришло сообщение.
Экран вспыхнул на полу, рядом с упавшими розами.
«Она успела передать девочку? Тогда вам нужно срочно забрать второй конверт. Полиция уже задает вопросы».
Алина медленно подняла глаза на мужа.
— Второй конверт? — спросила она.
Максим закрыл глаза.
И в эту секунду Алина поняла: девочка на пороге была не концом ее прежней жизни.
Она была только началом.

Глава 2. Он всегда знал

Максим долго не поднимал телефон с пола.

Он смотрел на экран так, будто сообщение могло исчезнуть само, если не прикоснуться к нему достаточно долго. Белые розы лежали у его ног, распластавшись на темной плитке прихожей. Несколько лепестков оторвались и прилипли к мокрым следам Лериных ботинок.

Алина почему-то подумала, что завтра утром их придется отмывать.

Завтра утром.

У нее все еще будет завтра.

Эта мысль показалась почти оскорбительной.

— Кто такая Марина Викторовна? — спросила она.

Голос был ровным. Слишком ровным. Таким голосом обычно спрашивают не о катастрофе, а о счете за электричество.

Максим поднял глаза.

— Алина, я все объясню.

Она усмехнулась.

Вот и началось.

Все предатели, наверное, говорили именно так. Не «прости». Не «я виноват». Не «я разрушил тебе жизнь». А это жалкое, удобное, почти деловое: я все объясню. Как будто существовало объяснение, после которого у его восьмилетней дочери исчезнет лицо, глаза, чемодан, мертвая мать и письмо на их праздничном столе.

— Нет, — сказала Алина. — Ты не все объяснишь. Ты объяснишь только то, что я спрошу.

Максим сглотнул.

Лера стояла возле кухни, вцепившись пальцами в рукав своей тонкой куртки. Она не плакала. Это было хуже, чем если бы плакала. Она просто смотрела на Максима так, как смотрят на дверь, которая должна открыться, но не открывается.

— Лера, — тихо сказал он.

Девочка вздрогнула.

Не от нежности. От страха.

Алина заметила это. И Максим, кажется, тоже.

Он сделал к ней шаг, но Лера отступила назад и почти уперлась спиной в стену.

— Не надо, — сказала она.

Максим остановился.

— Я не хотел тебя пугать.

Лера посмотрела на него внимательно, взросло.

— Мама говорила, вы хороший.

Максим побледнел еще сильнее.

— Твоя мама...

Он не договорил.

Алина вдруг почувствовала, что еще одна его фраза — и она разобьет что-нибудь. Бокал, тарелку, его лицо, свою жизнь. Все равно.

— Лере нужно снять мокрую куртку, — сказала она. — И поесть.

Максим быстро кивнул, ухватился за это, как за спасение.

— Да. Конечно. Лер, проходи. Я сейчас...

— Не ты, — оборвала его Алина.

Он замер.

Алина подошла к девочке. Медленно, чтобы та не испугалась. Присела перед ней, хотя колени почему-то плохо слушались.

— У тебя есть пижама?

Лера кивнула.

— В чемодане.

— Тогда давай так. Сейчас ты переоденешься. Потом поешь. Потом ляжешь спать. Разговоры взрослых тебя сегодня не касаются.

На последней фразе Лера посмотрела на нее с недоверием.

— Меня всегда касаются разговоры взрослых.

Алина задержала дыхание.

— Сегодня нет.

Она забрала у девочки чемодан и покатила его в гостевую комнату. Гостевой она называлась по привычке. На самом деле там почти никто не ночевал. Белый диван, шкаф с зимними одеялами, письменный стол, на котором Максим когда-то собирался работать по вечерам, но так и не стал. На подоконнике стоял засохший фикус. Алина все забывала его выбросить.

Теперь в комнате поселился ребенок.

Чужой.

Нет, не чужой.

Слишком чужой, чтобы принять. Слишком не чужой, чтобы выгнать.

Лера вошла следом и остановилась у двери.

— Можно я не буду трогать ваши вещи?

— Здесь нет моих вещей.

— А его?

Алина поняла, что «его» — это Максим.

— Стол его. Но он переживет.

Лера едва заметно кивнула.

Алина поставила чемодан у дивана. На мгновение ей захотелось открыть его самой, увидеть, что мать собирает ребенку, когда отправляет его в дом к отцу, который восемь лет был только фамилией в документах. Но она не стала.

— Переодевайся. Я принесу полотенце.

Уже у двери Лера вдруг спросила:

— Она правда умерла?

Алина обернулась.

Девочка смотрела не на нее, а в пол. Будто боялась, что если посмотрит прямо, ответ станет окончательным.

Алина медленно подошла ближе.

— Тебе кто сказал?

— В больнице. Тетя в синей одежде. Она сказала, что мамы больше нет. Но иногда взрослые врут, когда не знают, что сказать.

У Алины сжалось горло.

Она не знала Ольгу. Не видела ее лица, кроме расплывчатой фотографии в документах. Не знала ее голоса. Не знала, как она смеялась, как злилась, как укладывала дочь спать. Но сейчас, глядя на Леру, Алина впервые почувствовала к этой женщине не ненависть.

А страшную, тяжелую жалость.

— Я не буду тебе врать, — сказала она. — Если мне что-то неизвестно, я так и скажу.

— Тогда скажите.

Алина вдохнула.

— Я думаю, да. Твоя мама умерла. Но я пока не знаю, как. И почему.

Лера зажмурилась.

Одна слеза все-таки сорвалась. Быстро прошла по щеке и исчезла у подбородка.
Девочка тут же вытерла ее рукавом.

— Я быстро переоденусь.

Алина вышла и тихо закрыла дверь.

Максим стоял в коридоре.

— Спасибо, — сказал он.

Она посмотрела на него.

Это было даже смешно. После десяти лет брака она вдруг увидела мужа как незнакомого человека. Вроде те же руки, те же плечи, та же прядь волос, падающая на лоб, когда он нервничает. Но будто кто-то стер с него все прежние смыслы.

Раньше эти руки обнимали ее после больницы.

Теперь она думала: этими же руками он, наверное, держал другую женщину.

Раньше эта прядь казалась ей трогательной.

Теперь — раздражала.

— Не благодари меня, — сказала Алина. — Я не для тебя.

— Я знаю.

— Нет, Максим. Ты ничего не знаешь.

Он опустил глаза.

Алина прошла на кухню. На столе все еще стоял ужин. Свеча догорела почти до середины, воск стек на скатерть. Бокалы так и остались пустыми.

Письмо Ольги лежало рядом с тарелкой Максима.

Алина взяла его и сложила пополам.

— Говори.

Максим вошел следом, но не сел.

— Может, сначала дождемся, пока Лера уснет?

— Нет. Сначала ты говоришь мне, сколько лет ты врешь.

Он провел рукой по лицу.

— Восемь.

Слово ударило точно. Не потому, что Алина не знала. Она уже посчитала. Но услышать его от Максима было совсем иначе.

— Восемь лет, — повторила она. — Восемь лет ты знал, что у тебя есть дочь.

— Да.

— Ты видел ее?

Он молчал.

— Максим.

— Пару раз.

— Пару раз?

— Издалека.

Алина засмеялась. Коротко и страшно.

— Издалека. Как памятник? Как чужого ребенка в парке?

— Не надо.

— Что не надо? Говорить словами то, что ты сделал?

Он дернулся.

— Я помогал им деньгами.

— О, конечно. Деньги. Самая удобная форма любви для трусов.

Максим сжал челюсть.

— Я не трус.

Алина посмотрела на него так, что он сразу замолчал.

— Ты восемь лет скрывал от меня ребенка. Ты смотрел, как я прохожу обследования, как мне в очередной раз говорят, что шансов почти нет. Ты держал меня за руку после процедур. Ты говорил: “Мне никто не нужен, кроме тебя”. И в это же время где-то росла твоя дочь. Девочка, которая сегодня спросила, хороший ли ты.

У Максима дрогнули губы.

— Я боялся потерять тебя.

— И поэтому решил унижать меня подольше?

— Я не хотел так.

— А как ты хотел? Чтобы она выросла? Чтобы Ольга молчала? Чтобы я умерла раньше, чем узнаю?

— Перестань.

— Нет. Сегодня перестану не я.

Он сел. Не выдержал. Опустился на стул, на котором еще час назад должен был смеяться, пить вино и благодарить за подарок, спрятанный под подушкой.

— Это случилось, когда у нас был самый тяжелый период, — начал он.

Алина закрыла глаза.

Она знала, какая история сейчас будет. Мужская слабость в красивой упаковке. Одиночество. Усталость. Жена отдалилась. Другая женщина оказалась рядом. Никто не планировал. Все случилось само.

Все измены, наверное, происходят сами. Люди просто случайно оказываются без одежды в чужой постели.

— Я был тогда... не в себе, — сказал Максим. — Ты почти не разговаривала со мной. После второй попытки ты закрылась. Я не знал, как к тебе подступить.

— И подступился к Ольге.

Он вздрогнул от ее имени.

— Она работала в клинике. Не врачом. В администрации. Мы несколько раз говорили. Потом встретились случайно. Потом...

— Не надо подробностей. Меня сейчас стошнит.

Максим кивнул.

— Это длилось недолго.

— Удобная фраза.

— Правда недолго. Я все прекратил. Понял, что совершаю ошибку. Хотел забыть. А потом она пришла и сказала, что беременна.

— И ты?

— Я сказал, что помогу.

Алина уставилась на него.

— Поможешь?

— Я не мог уйти от тебя.

— Зато мог оставить ребенка без отца.

— Я думал, так будет лучше для всех.

— Для всех? — Алина наклонилась к нему. — Для Леры тоже?

Максим не ответил.

Из гостевой донесся тихий звук. Будто упало что-то мягкое. Оба замерли. Через секунду тишина вернулась.

Алина понизила голос:

— Ольга знала, что ты женат?

Максим отвел взгляд.

Вот и ответ.

— Сначала нет, — сказал он.

У Алины внутри поднялась мутная волна.

— То есть ты обманул и ее тоже.

— Я не горжусь этим.

— Как удобно. Не гордиться после того, как все уже разрушено.

Максим резко поднял голову.

— Ты думаешь, мне легко? Думаешь, я не жил с этим каждый день?

Алина посмотрела на него с тихим изумлением.

— Ты сейчас хочешь, чтобы я пожалела тебя?

Он осекся.

На кухне было слышно, как в духовке остывает недопеченный пирог. Щелчок металла. Еще один. Праздничная квартира медленно превращалась в место преступления.

— Кто такая Марина Викторовна? — снова спросила Алина.

— Адвокат Ольги.

— Почему она пишет тебе?

— Ольга... перед смертью собиралась подать документы.

— Какие документы?

— На признание отцовства. Официально.

Алина медленно выпрямилась.

— То есть не из любви к дочери ты собирался признать ее. А потому что Ольга решила больше не молчать.

— Я не отказывался от Леры.

— Ты просто не существовал в ее жизни. Какая мелочь.

Максим сжал пальцы на столе.

— Там все сложнее.

— Конечно. У лжи всегда сложная архитектура.

Он долго молчал. Потом сказал:

— Дело не только во мне.

Алина почувствовала, как что-то в его голосе изменилось. В нем появился не стыд, а страх. Настоящий.

— А в ком?

Максим посмотрел на дверь гостевой, потом снова на Алину.

— В моей семье.

— В твоей матери?

Он молчал слишком долго.

Алина поняла.

— Она знала.

— Да.

Сердце ударило глухо.

— Ирина Павловна знала, что у тебя есть ребенок, пока она годами приносила мне иконки, советы, телефоны врачей и говорила, что я должна “меньше нервничать”?

Максим закрыл глаза.

— Она считала, что так будет лучше.

Алина медленно кивнула.

— Вы все считали, что мне лучше жить душой.

— Алина...

— Нет. Не произноси мое имя так, будто оно тебе еще принадлежит.

Он резко встал.

— Я хотел рассказать!

— Когда?

— Несколько раз.

— В какой именно момент? Когда я потеряла сознание после процедуры? Когда мы выбрали детскую кроватку, которую потом так и не купили? Когда твоя мать сказала мне за ужином, что “некоторым женщинам просто не дано”? Ты в какой из этих прекрасных моментов хотел сказать, что в твоей жизни уже есть ребенок?

Максим побледнел.

— Я не знал, как.

— Ртом, Максим. Обычно правду говорят ртом.

Он отвернулся.

И вдруг Алина увидела: он плачет.

Не громко, не навзрыд. Просто по его щеке прошла одна слеза. Раньше она бы подошла. Обняла. Стерла большим пальцем. Спросила, как помочь.

Теперь ей стало холодно.

— Не надо, — сказала она. — Ты не имеешь права плакать первым.

Максим сжал губы.

В гостевой тихо скрипнула дверь.

Они оба повернулись.

Лера стояла в коридоре в пижаме, слишком большой для нее, с полотенцем в руках. Волосы после дождя высохли неровными прядями. На лице не было ни сна, ни детского любопытства. Только усталость.

Алина сразу поняла: она слышала.

Не все, может быть. Но достаточно.

— Лера, — начал Максим.

Девочка посмотрела на него.

— Вы правда видели меня издалека?

Максим застыл.

Алина закрыла глаза.

Вот оно. Не громкий скандал, не разбитая посуда, не женская истерика. Самый страшный удар вечера оказался в тихом детском вопросе.

— Лер...

— Где? — спросила она.

Максим не мог ответить.

Девочка сама кивнула, будто так и думала.

— На выпускном в садике?

Он вздрогнул.

— Да.

— Я тогда всем сказала, что папа придет. Мама сказала, что, может быть, не получится.

Но я все равно смотрела в зал.

Максим сделал шаг к ней.

— Прости.

Лера отступила.

— Вы были там?

— Да.

— И ушли?

Он не ответил.

Этого оказалось достаточно.

Лера посмотрела на Алину. И в этом взгляде было столько стыда, будто виновата была она сама.

— Можно я завтра уеду?

Алина почувствовала, как внутри поднимается что-то новое. Не любовь. Не жалость даже. Ярость. Чистая, горячая, направленная уже не на измену, а на то, что взрослый мужчина сумел сделать с ребенком, который всего лишь хотел увидеть отца в зале детского сада.

— Нет, — сказала Алина.

Максим поднял на нее глаза.

Лера тоже.

— Завтра никто никуда не едет, — продолжила Алина. — По крайней мере до тех пор, пока мы не поймем, что происходит.

— Я не хочу мешать, — прошептала Лера.

— Ты не мешаешь.

— Мешаю. Из-за меня вы ругаетесь.

Алина подошла к ней, присела рядом и впервые осторожно взяла девочку за плечи.

Лера напряглась, но не отстранилась.

— Послушай меня внимательно. Взрослые ругаются не из-за детей. Взрослые ругаются из-за того, что сами натворили. Ты здесь ни при чем.

Лера смотрела недоверчиво.

— Правда?

— Правда.

— А вы меня не ненавидите?

Вопрос был настолько прямым, что Алина не успела подготовиться.

Она могла бы соврать сразу. Сказать: конечно нет, что за глупости. Обнять, утешить, сыграть хорошую женщину.

Но она только что обещала не врать.

Поэтому Алина сказала:

— Я не знаю, что чувствую. У меня сегодня все сломалось. Но я точно знаю, что ты в этом не виновата.

Лера долго смотрела на нее.

Потом кивнула.

Почему-то именно это — маленький кивок чужого ребенка — чуть не добило Алину окончательно.

Телефон Максима снова завибрировал на полу.

На этот раз он не успел ничего скрыть.

Сообщение было от той же Марины Викторовны.

«Максим, если Лера у вас, не оставляйте ее одну. Ольга боялась не зря. Второй конверт — не единственное, что она спрятала».

Алина медленно поднялась.

— Что еще она спрятала?

Максим смотрел на экран так, будто видел его впервые.

— Я не знаю.

— Врешь?

Он поднял на нее глаза.

И впервые за весь вечер Алина увидела в них не вину.

А настоящий ужас.

— Нет, — сказал Максим. — Вот этого я правда не знаю.

Из гостиной вдруг донесся слабый звук.

Не шаг. Не скрип.

Будто кто-то очень тихо толкнул окно.

Алина обернулась первой.

Лера побледнела.

— Мама говорила, — прошептала она, — если я услышу такой звук, надо прятаться.
Максим рванулся к комнате.
Алина схватила Леру за руку.
И в тот же миг из гостевой раздался звон разбитого стекла.

Глава 3. Ночь без сна

Стекло разбилось не громко.

Не так, как в кино — с оглушительным взрывом, после которого все кричат и бегут. Звук был короткий, сухой, почти будничным: хруст, россыпь мелких осколков, удар чего-то твердого о пол.

И тишина.

Именно тишина испугала Алину больше всего.

Максим первым сорвался с места.

— Стой! — крикнула она.

Он уже был у двери гостевой, но обернулся.

— Там окно!

— А там может быть кто угодно!

Он на секунду замер. Видимо, только сейчас понял, что это не просто сквозняк, не случайность, не ветка дерева. Они жили на втором этаже, окна выходили во двор, под ними проходил козырек подъезда. Забраться можно было. Бросить что-то — еще проще.

Лера вцепилась в руку Алины так сильно, что ногти впились в кожу.

— Не включайте свет, — прошептала девочка.

Алина посмотрела на нее.

— Почему?

— Мама так говорила. Если слышишь стекло — не включай свет.

Сердце у Алины ударило где-то в горле.

Мама так говорила.

Значит, это уже было.

Значит, Ольга не просто боялась. Ее действительно пугали.

Максим медленно протянул руку к выключателю в коридоре, но Алина резко сказала:

— Не надо.

Он послушался.

Это почему-то разозлило ее еще сильнее. Десять лет он не умел слушать, когда это было важно. А теперь слушался слишком поздно.

— Лера, — тихо сказала Алина, присаживаясь перед девочкой, — где ты пряталась дома, когда мама просила?

Лера побледнела.

— В шкафу.

— Здесь тоже спрячешься?

Девочка быстро замотала головой.

— Нет. Нет, пожалуйста. Я не хочу в шкаф.

Ее голос дрогнул на последнем слове, и Алина вдруг ясно увидела: маленькая Лера, темная квартира, мать в коридоре, шепот, чужие шаги за дверью. Ребенок в шкафу, который учится не дышать слишком громко.

Алина сглотнула.

— Хорошо. В шкаф не надо.

Она потянула Леру к себе и провела за кухонную стену, туда, где из окна гостевой их нельзя было увидеть.

— Сядь здесь. На пол. Спиной к стене.

— А вы?

— Я рядом.

— Не уходите.

Эти два слова девочка произнесла так тихо, что Максим, кажется, не услышал.
Алина услышала.

И осталась.

Максим достал телефон.

— Я вызываю полицию.

— Скажи, что в квартире ребенок, — сказала Алина. — И что, возможно, кто-то пытался проникнуть через окно.

Он кивнул, набрал номер и заговорил быстро, глухо, не своим голосом.

Алина смотрела на темный проем коридора.

Гостевая была за углом. Оттуда тянуло холодом. Где-то тихо поскрипывала рама. Еще минуту назад эта комната казалась просто пустой, ненужной, с засохшим фикусом на подоконнике. Теперь она была местом, куда кто-то протянул руку из той жизни, о которой Алина ничего не знала.

Из жизни Ольги.

Из жизни Леры.

Из жизни Максима, которую он спрятал от нее так глубоко, что она десять лет жила на поверхности чужой лжи.

Максим закончил разговор.

— Едут.

— Сколько?

— Сказали, ближайший наряд.

Алина усмехнулась.

— Прекрасная точность.

Он не ответил.

Потом сделал шаг к гостевой.

— Я посмотрю.

— Нет.

— Алина, я не могу стоять здесь.

— Можешь. Ты восемь лет стоял в стороне, еще пять минут выдержишь.

Он дернулся, как от пощечины.

Лера подняла на нее глаза. Алина сразу пожалела о фразе — не из-за Максима. Из-за ребенка. При ней нельзя было. Не сейчас.

Но слова уже упали.

Максим сжал зубы и все же пошел вперед. Осторожно, вдоль стены, без света. Алина слышала, как скрипнула доска у двери, как он остановился на пороге, как выдохнул.

— Здесь никого, — сказал он.

— Окно?

— Разбито. Снаружи.

— Что бросили?

Пауза.

— Камень.

— Просто камень?

Максим молчал.

Алина встала. Лера тут же схватила ее за запястье.

— Вы обещали.

— Я только до двери. Ты будешь видеть меня.

— Нет.

В этом «нет» было столько паники, что Алина опустилась обратно.

— Хорошо. Не пойду.

Максим вернулся через несколько секунд. В руках у него был серый булыжник, обмотанный чем-то белым. Куском бумаги или ткани. Он держал его двумя пальцами, будто тот мог обжечь.

— Не трогай больше, — сказала Алина. — Полиция должна увидеть.

— Я уже взял.

— Конечно. Ты всегда сначала делаешь, потом думаешь.

Максим посмотрел на нее устало, но не стал спорить.

На бумаге было что-то написано. Черным маркером, крупно, неровно.

Алина не хотела читать.

Она прочитала.

ОТДАЙТЕ ДЕВОЧКУ.

Лера тихо втянула воздух.

Алина резко повернулась к ней.

— Ты это уже видела?

Девочка не ответила.

— Лера.

— У нас на двери было, — прошептала она. — Мама сказала, это глупая шутка.

— Когда?

— Не знаю. Недавно. До больницы.

Максим сел на стул так, будто у него подкосились ноги.

— Почему Ольга мне не сказала?

Лера посмотрела на него.

Впервые не испуганно. Почти с презрением.

— Она звонила.

Максим замер.

— Что?

— Она звонила вам. Много раз. Вы не брали.

Кухня стала совсем тихой.

Алина медленно повернулась к мужу.

Он был серый. Не бледный — именно серый, словно из него вынули все живое.

— Это правда? — спросила она.

Максим молчал.

— Максим.

— Я был на совещании.

Алина почти рассмеялась.

— Ольге угрожали. Твоей дочери угрожали. А ты был на совещании.

— Я не знал!

— Потому что не взял трубку.

— Она часто звонила, когда...

Он оборвал себя, но поздно.

— Когда что? — тихо спросила Алина.

Максим поднял глаза и понял, что ловушки уже не избежать.

— Когда ей нужны были деньги.

Лера опустила голову.

Алина увидела, как у девочки покраснели уши. От стыда. Чужого стыда, который взрослые положили на нее, как тяжелое пальто.

— Деньги, — повторила Алина. — Ты правда думал, что все ее звонки — только про деньги?

Максим провел рукой по волосам.

— Я не знаю, что я думал.

— Ничего. Ты ничего не думал. Так ведь удобнее.

Он вдруг ударил кулаком по столу. Не сильно, но Лера вздрогнула всем телом.

Алина мгновенно поднялась и встала между ними.

Максим увидел это движение.

И, кажется, оно ранило его сильнее всех ее слов.

— Я не трону ее, — сказал он глухо.

— Я знаю. Но она этого не знает.

Он посмотрел на Леру.

— Я бы никогда...

— Не начинай, — оборвала Алина. — У нее уже достаточно твоих “никогда”.

В дверь позвонили.

Все трое вздрогнули.

Звонок был короткий, официальный.

Максим пошел открывать. Алина не выпустила Лерину руку.

В прихожей слышались мужские голоса, затем шаги. В квартиру вошли двое полицейских: один постарше, плотный, с уставшим лицом; второй молодой, с внимательными глазами, которые сразу заметили и разбитое окно, и ребенка на полу, и праздничный стол, и письмо возле тарелки.

— Кто вызывал? — спросил старший.

— Я, — сказал Максим. — Максим Громов. Разбили окно. В квартире ребенок.

Полицейский посмотрел на Леру.

— Это ваша дочь?

Максим открыл рот.

И замолчал.

Секунда была крошечной, но Алина успела ее почувствовать. Лера тоже.

Алина медленно встала.

— Да, — сказала она.

Максим повернулся к ней.

— Это его дочь, — добавила Алина. — Девочка сегодня пришла к нам после смерти матери. Ей угрожали. Ее матери, возможно, тоже.

Старший полицейский прищурился.

— После смерти матери?

— Да.

— Фамилия матери?

Лера сжала руку Алины.

— Ольга Соколова, — ответил Максим.

Молодой полицейский поднял голову.

— Соколова? Это которая упала в подъезде на Лесной?

Максим резко посмотрел на него.

— Вы знаете это дело?

Старший бросил на молодого недовольный взгляд, но тот уже сказал.

— Сегодня сводка была.

— Несчастный случай? — спросила Алина.

Пауза.

Слишком длинная.

— Пока проверяют, — ответил старший.

— Что значит “пока”?

— Значит, идет проверка.

— У нее ребенок. Ребенку угрожали. В нашу квартиру бросили камень с запиской. Вы все еще называете это проверкой?

Полицейский посмотрел на нее уже внимательнее.

— Гражданка...

— Громова, — сказала Алина.

И впервые за вечер собственная фамилия прозвучала для нее как чужая.

— Гражданка Громова, — продолжил он, — мы оформим вызов, зафиксируем повреждения, заберем записку. Вы напишете объяснение. Если есть связь с делом Соколовой, передадим следователю.

— Если?

— Нам нужны факты.

Алина указала на камень.

— Вот факт.

Потом на Леру.

— Вот еще один.

Старший ничего не ответил.

Молодой полицейский присел на корточки перед девочкой, но на расстоянии.

— Как тебя зовут?

Лера молчала.

— Она устала, — сказала Алина.

— Нам нужно будет задать ей несколько вопросов.

— Не сегодня.

— Это решать не вам.

Алина посмотрела на него так, что он невольно выпрямился.

— Ей восемь лет. Ее мать умерла. Сегодня она приехала к отцу, которого почти не знает. Потом ей разбили окно. Вы можете задать вопросы завтра в присутствии психолога. Сегодня — нет.

Максим смотрел на Алину так, будто видел ее впервые.

Возможно, так и было.

Он привык к другой Алине. К той, которая терпела. Молчала в гостях, когда свекровь колола ее словами. Улыбалась врачам, даже когда хотелось выть. Соглашалась “не драматизировать”, “не накручивать”, “подождать еще немного”.

Этой Алины он не знал.

Да и она сама себя не знала.

Полицейские прошли в гостевую. Включили свет. Комната сразу стала жалкой: осколки на полу, мокрая пижама Леры на диване, распахнутое окно с черной дырой вместо стекла. На подоконнике лежали мелкие кусочки стекла, среди них — листок фикуса, оторванный и раздавленный.

Алина вдруг подумала: если бы Лера легла спать сразу, осколки могли попасть на нее.

Эта мысль пришла поздно, но ударила сильно.

Ее начало трясти.

Не заметно. Где-то внутри.

Максим подошел ближе.

— Алина...

— Не трогай меня.

Он остановился.

Лера сидела на кухне, обняв колени. Такая маленькая на фоне взрослых стульев, высокого стола, недопитого вина, что у Алины закружилась голова.

Чужая дочь моего мужа.

Девочка, которую кто-то требовал отдать.

Кому?

Зачем?

Почему Ольга так боялась?

Полицейские оформили бумаги, сфотографировали окно, забрали камень с запиской. Старший сухо сказал, что им лучше временно не оставаться в комнате с разбитым стеклом и по возможности установить замок на окна. Молодой задержался у двери и тихо добавил:

— Я не должен советовать, но... не игнорируйте это. Если Соколова действительно боялась, значит, были причины.

— Вы что-то знаете? — спросила Алина.

Он посмотрел на старшего, уже вышедшего в подъезд.

— У нее в телефоне были пропущенные от одного и того же номера. Очень много. И еще... — Он запнулся. — Забудьте. Следователь свяжется.

— Нет. Говорите.

Молодой понизил голос:

— Перед смертью она пыталась отправить кому-то видео. Файл не ушел. Телефон разбит, специалисты будут восстанавливать. Все.

Он быстро вышел.

Дверь закрылась.

Квартира снова стала их. Но уже не домом.

Максим стоял среди прихожей, беспомощный, с опущенными руками. Алина смотрела на него и думала: вот он, человек, которого я любила. Не чудовище. Не злодей. Просто слабый. До ужаса слабый. А от слабых людей иногда бывает больше разрушений, чем от жестоких.

— Что за видео? — спросила она.

— Не знаю.

— Что Ольга могла отправлять?

— Я сказал, не знаю.

— Кому?

Максим устало покачал головой.

— Может, адвокату.

— Марине Викторовне?

— Да.

— Звони ей.

— Сейчас ночь.

Алина медленно подняла брови.

— Правда? А я думала, у нас легкий семейный ужин.

Он достал телефон.

Руки у него дрожали. Он нашел номер и включил громкую связь. Гудки тянулись долго. Один, второй, третий. Алина уже решила, что никто не ответит, но в трубке раздался женский голос — хриплый, сонный и сразу настороженный:

— Максим?

— Марина Викторовна, это я.

— Лера у вас?

— Да.

Пауза.

— Слава богу.

Алина шагнула ближе.

— Это Алина Громова. Жена Максима.

На другом конце провода стало тихо.

Потом женщина сказала:

— Значит, вы все узнали.

— Не все. Но собираюсь. В нашу квартиру только что бросили камень с запиской: “Отдайте девочку”. Что спрятала Ольга?

Марина Викторовна молчала.

— Отвечайте, — сказала Алина. — Ребенок сидит в моей кухне и боится дышать.

Адвокат выдохнула.

— Ольга говорила, что у нее есть доказательства.

— Чего?

— Что Леру скрывали намеренно. Что на нее оказывали давление. И что смерть отца Максима тоже могла быть не такой простой, как всем сказали.

Максим резко побледнел.

— Моего отца?

— Да, Максим, — сказала адвокат. — Ваш отец знал о Лере. И хотел признать ее частью семьи.

— Это невозможно, — прошептал он.

Алина посмотрела на мужа.

Впервые за вечер он выглядел не виноватым.

А обманутым.

— Где доказательства? — спросила она.

— Я не знаю. Ольга сказала только одно: если с ней что-то случится, Лера принесет ключ.

— Какой ключ?

Марина Викторовна ответила не сразу.

— Она сказала: “Ключ будет у девочки. Но девочка не должна знать, что это ключ”.

Алина медленно повернулась к Лере.

Девочка сидела на кухне, прижимая к груди свою маленькую сумку с потертой лямкой.

На молнии висела серебристая подвеска в форме сердечка.

Дешевая детская безделушка.

Или нет.

Алина подошла к ней.

— Лера, можно я посмотрю твою подвеску?

Девочка испуганно прижала сумку крепче.

— Это от мамы.

— Я не заберу. Обещаю.

Лера смотрела долго. Потом медленно расстегнула молнию и дала Алине подвеску.

Сердечко было легким, царапанным, с крошечной щелью сбоку.

Алина нажала ногтем.

Подвеска открылась.

Внутри, вместо фотографии, лежала маленькая карта памяти.

Такая маленькая, что ее почти не было видно.

Максим прошептал:

— Господи...

Алина сжала подвеску в ладони.

За окном гостевой хлопнула на ветру разбитая рама.

Лера смотрела на Алину снизу вверх.

— Это плохое? — спросила она.

Алина закрыла сердечко.

— Нет, — сказала она. — Думаю, это как раз то, что твоя мама хотела сохранить.

— А меня?

Вопрос был тихим. Почти беззвучным.

Алина почувствовала, как все ее злость, боль, унижение, ненависть к мужу — все отступило на шаг. Не исчезло. Просто оказалось не главным в эту секунду.

Она присела перед Лерой.

— И тебя, — сказала она. — Особенно тебя.

Лера ничего не ответила.

Только впервые за весь вечер сама протянула руку и взяла Алину за пальцы.

Неловко. Осторожно. Словно проверяла, не отдернут ли.

Алина не отдернула.

Максим смотрел на них из коридора.

И, может быть, именно тогда понял окончательно: что бы ни было дальше, прежней жены у него больше нет.

Алина подняла глаза.

— Завтра мы узнаем, что на этой карте.

— А сегодня? — спросил Максим.

Она посмотрела на разбитое окно. На осколки. На розы в прихожей. На девочку, которая все еще держала ее за руку.

— А сегодня никто не будет спать один.

Глава 4. Письмо Ольги

Алина поняла, что утро наступило, только когда за окном перестал шуметь дождь.

Ночь не закончилась. Она просто посерела.

В гостиной пахло холодом, мокрым деревом и чем-то острым — то ли пылью от разбитого стекла, то ли страхом, который за несколько часов успел впитаться в стены. Окно в гостевой Максим кое-как заклеил пленкой и скотчем. Пленка вздрагивала от ветра, тихо хлопала, будто кто-то снаружи снова и снова пробовал войти.

Алина сидела на диване в спальне, не переодевшись. Темно-синее платье помялось, волосы выбились из прически, серьги она сняла еще ночью и положила на тумбочку. На коленях у нее лежал плед, но она все равно мерзла.

Лера спала рядом.

Не в гостевой. Не одна.

Алина сама сказала ей лечь на кровать. Сначала девочка легла с самого края, почти не дыша, будто боялась занять лишнее место. Потом, уже под утро, во сне придвинулась ближе и вцепилась пальцами в край Алиного платья.

Алина не стала отнимать ткань.

Максим сидел в кресле напротив. Всю ночь. Иногда закрывал глаза, но не спал. В руке у него был телефон. На столе рядом — серебристая подвеска в форме сердечка и крошечная карта памяти.

Та самая, которую Ольга спрятала у дочери.

«Девочка не должна знать, что это ключ».

Алина смотрела на Леру и думала: что же должно было случиться с женщиной, чтобы она спрятала доказательства в вещи ребенка? Не у адвоката. Не в банковской ячейке. Не у подруги. А у восьмилетней девочки, которая могла потерять сумку в такси, забыть ее в больнице, уронить в подъезде.

Или Ольга знала, что единственное, за чем точно придут, — это Лера.

От этой мысли становилось тошно.

Лера проснулась резко.

Села на кровати, широко раскрыла глаза и несколько секунд не понимала, где находится. Потом увидела Алину, Максима, чужую спальню — и все вспомнила.

Лицо у нее стало пустым.

Детское лицо не должно так быстро учиться пустоте.

— Доброе утро, — тихо сказала Алина.

Лера посмотрела на нее.

— Я заснула?

— Да.

— Простите.

— За сон не извиняются.

Девочка кивнула, но по лицу было видно: она не поверила. Наверное, в ее жизни уже были взрослые, перед которыми приходилось извиняться за все. За голод. За слезы. За страх. За то, что занимаешь место.

Максим подался вперед.

— Лера, я могу принести тебе завтрак. Что ты любишь?

Девочка перевела на него взгляд.

Долго смотрела.

— Не знаю.

— Как это — не знаешь?

Алина резко посмотрела на мужа.

Максим понял ошибку и замолчал.

Лера опустила глаза.

— Мама обычно покупала то, на что хватало. Мне все нормально.

Алина почувствовала, как внутри снова поднимается вчерашняя ярость. Не громкая, не вспышкой. Холодная. Опасная.

Максим восемь лет переводил деньги. Максим считал, что помогает. Максим, наверное, успокаивал себя: ребенок не голодает, женщина не на улице, значит, совесть может спать.

А девочка не знала, что любит на завтрак.

— Тогда начнем с чая и омлета, — сказала Алина. — А потом выясним.

— Что выясним?

— Что ты любишь.

Лера посмотрела на нее так, будто это была странная, почти ненужная роскошь.

— Ладно.

На кухне все осталось вчерашним.

Две тарелки. Два бокала. Свеча, сгоревшая до уродливого комка воска. Цветы так и лежали в прихожей, только розы за ночь потемнели по краям. Красиво умерли, подумала Алина. Символично. Если бы она была в состоянии смеяться, обязательно бы посмеялась.

Она убрала тарелки в раковину. Вино вылила. Пирог достала из духовки и поставила на стол. Он просел посередине, липкий, недопеченный.

— Вы это готовили вчера? — спросила Лера.

— Да.

— Из-за меня испортился?

Алина замерла с ножом в руке.

— Нет.

— Но если бы я не пришла...

— Лера, — Алина повернулась к ней, — пирог не имеет значения.

— У мамы имел.

— Что?

Девочка пожала плечами.

— Если что-то портилось, она плакала. Потом говорила, что это не из-за меня. Но я знала.

Алина медленно положила нож.

Максим стоял у двери, будто не решался войти в кухню. Его лицо с каждой минутой становилось все более чужим. Вчера он был мужем, который предал. Сегодня — отцом, который не знал ничего. Ни любимой еды дочери, ни ее страхов, ни того, как осторожно она перекладывает вину взрослых себе в карманы.

— Завтрак, — сказала Алина, заставляя голос звучать ровно. — Потом карта.

Максим поднял глаза.

— Может, не при Лере?

Девочка сразу напряглась.

— Нет, — сказала она.

Оба посмотрели на нее.

— Это мамино, — продолжила Лера. — Она мне оставила.

— Лер, там могут быть тяжелые вещи, — осторожно сказал Максим.

Девочка усмехнулась.

Это была ужасная усмешка. Восьмилетние так не должны уметь.

— Тяжелее, чем вчера?

Максим отвел взгляд.

Алина достала старый ноутбук. Он долго включался, гудел, требовал обновления, будто мир не рухнул, будто это было обычное утро, где можно раздражаться на технику.

Карта памяти оказалась маленькой, упрямой. Алина вставила ее в переходник, потом в ноутбук. На экране появилась папка без названия.

Внутри было пять файлов.

Три видео. Одна аудиозапись. Один документ.

Алина почувствовала, как Лера рядом перестала дышать.

— Сначала документ, — сказал Максим.

— Нет, — ответила Алина. — Сначала письмо.

— Там не написано, что это письмо.

— Я чувствую.

Она открыла файл.

На экране появился текст.

Не отсканированный документ, не юридическая бумага. Обычный набранный текст. Несколько абзацев. Вверху — имя.

Алина.

Как и в первом письме.

Алина сжала пальцы.

Максим подошел ближе, но она остановила его взглядом.

— Я буду читать сама.

— Это касается меня.

— Все, что касается тебя, почему-то годами узнают последними те, кому ты должен был сказать первым.

Он замолчал.

Алина начала читать.

Алина, если ты видишь это письмо, значит, я не успела сделать то, что должна была.

Я знаю, ты имеешь право ненавидеть меня. Я была женщиной, которая родила ребенка от твоего мужа. Этого не вычеркнуть, не объяснить красиво и не оправдать. Но я не была той, кем меня, наверное, сделают в твоих глазах. Я не уводила Максима из семьи. Сначала я не знала, что у него есть семья. А когда узнала — уже носила Леру.

У Алины дрогнуло горло.

Она не хотела жалеть Ольгу.

Ей казалось, что если она позволит себе хоть каплю жалости к этой женщине, то предаст саму себя. Ту Алину, которая лежала в больнице с пустотой внутри. Ту Алину, которая покупала детские носочки и прятала их в дальний ящик после очередного провала. Ту Алину, которой муж говорил: «Мы переживем это вдвоем».

Но слова на экране не просили жалости.

Они просили быть услышанными.

Максим хотел, чтобы я избавилась от ребенка. Его мать тоже. Она пришла ко мне сама. Сказала, что я молодая, красивая, еще устрою жизнь, а ребенок сломает всем судьбу. Я спросила: всем — это кому? Она ответила: «Прежде всего Алине».

Алина перестала читать.

В кухне стало слишком тихо.

Максим шепотом сказал:

— Я не знал, что мама ходила к ней.

Алина даже не повернулась.

— Конечно.

— Алина, правда.

— Правда была где-то восемь лет назад. Сейчас у тебя только варианты лжи.

Лера сидела рядом, глядя в стол. Ее лицо стало напряженным.

— Бабушка хотела, чтобы меня не было?

Слово «бабушка» прозвучало странно. Неправильно. Будто Лера примерила его и тут же порезалась.

Максим резко сел перед ней.

— Нет. То есть... это было не так.

— Она сказала, я сломаю всем судьбу.

— Ты не сломала.

Лера посмотрела на него.

— А кто сломал?

Максим не нашел ответа.

Алина продолжила читать, потому что если остановится, то уже не сможет.

Я оставила Леру не назло. Не ради денег. Не чтобы удержать Максима. Я оставила ее, потому что однажды услышала ее сердце на УЗИ и поняла: взрослые могут быть трусами, лжецами, предателями, но ребенок не должен платить за это исчезновением.

Я много лет молчала. Сначала потому, что верила: Максим сам найдет в себе смелость. Потом потому, что боялась. Потом потому, что Лера росла и начала спрашивать, почему папа не приходит.

Лера шмыгнула носом, но не заплакала.

Прости меня за то, что я пришла в твою жизнь таким образом. Но я прошу тебя не за себя. Я прошу за Леру. Если со мной что-то случится, не отдавай ее Ирине Павловне. Не верь Денису. Не верь словам о «благе ребенка». Они не хотят ей блага. Они хотят, чтобы ее не существовало.

Максим резко поднялся.

— Денис? При чем здесь Денис?

Алина наконец посмотрела на него.

— Твой брат?

— Он не мог...

— Что? — спросила Алина. — Не мог знать? Не мог врать? Не мог угрожать? У вас это семейное, Максим.

Он побледнел.

— Денис вообще не должен был быть в этой истории.

— Но он есть.

Она снова повернулась к экрану.

Твой свекор знал о Лере.

Максим застыл.

— Нет, — прошептал он.

Алина прочитала вслух:

— Отец Максима знал о Лере. Он видел ее один раз. Тайно. Я привела ее в парк, когда ей было три года. Он плакал. Сказал, что совершил много ошибок со своими сыновьями, но внучку не бросит. Через месяц он умер. После его смерти мне позвонил Денис и сказал, что если я еще раз произнесу фамилию Громовых рядом с моей дочерью, я пожалею.

Максим отступил на шаг.

— Папа знал?

В его голосе было столько боли, что Алина почти могла бы ему поверить: вот этого он действительно не знал.

Но ей было уже все равно.

Чужое незнание не отменяло ее разрушенной жизни.

— Он оставил что-то Лере? — спросила она.

Максим смотрел в пустоту.

— Я не знаю.

— Зато Денис, похоже, знает.

В документе оставались последние строки.

На карте есть записи. Не смотри их при Лере, если сможешь. Но если она захочет — не запрещай. Я слишком много скрывала от нее, думая, что защищаю. Теперь понимаю: правда ранит, но ложь делает ребенка сиротой еще при живых взрослых.

Алина, я не прошу тебя полюбить мою дочь. Это было бы жестоко. Я прошу только одного: посмотри на нее отдельно от нас. От меня. От Максима. От всей этой грязи. Она не измена. Она ребенок.

Алина закрыла глаза.

Она не хотела плакать.

Не из-за Ольги. Не при Максиме. Не сейчас.

Но последняя фраза вошла слишком глубоко.

Она не измена. Она ребенок.

Лера шепотом спросила:

— Мама правда так написала?

Алина кивнула.

— Да.

— Можно я посмотрю?

Алина повернула к ней ноутбук.

Лера долго смотрела на экран. Она читала медленно, по строчкам, губы беззвучно двигались. Когда дошла до последних слов, положила ладонь на экран — прямо на имя Ольги внизу.

— Она всегда говорила, что я не виновата, — сказала девочка. — Но я думала, она просто мама.

Алина не выдержала и отвернулась к окну.

Максим стоял неподвижно. Его мир тоже треснул — Алина это видела. Только ей не хотелось его утешать. Пусть постоит среди осколков. Полезно.

— Открываем видео, — сказала она.

— Нет, — резко ответил Максим.

Алина медленно повернулась.

— Что?

— Не при Лере.

— Я останусь, — сказала девочка.

— Лера...

— Это моя мама.

В этих трех словах была такая сила, что Максим замолчал.

Алина посмотрела на девочку.

— Если станет тяжело, мы остановим.

Лера кивнула.

Первый файл назывался просто: «Если я не вернусь».

Алина нажала.

На экране появилась женщина.

Ольга.

Живая.

Не соперница. Не призрак. Не слово из письма.

Женщина лет тридцати с усталым лицом, темными кругами под глазами и волосами, собранными в небрежный хвост. Она сидела на кухне. За ее спиной висели детские рисунки: дом, солнце, девочка с женщиной за руку. В углу кадра виднелась кружка с отбитой ручкой.

Ольга смотрела в камеру так, будто ей было страшно даже моргать.

— Алина, — сказала она.

Лера всхлипнула.

Не громко. Просто тело не выдержало голоса матери.

Алина машинально положила руку ей на плечо.

— Если вы смотрите это, значит, я не смогла прийти сама, — продолжила Ольга. — Я должна была сделать это раньше. Много лет назад. Я виновата перед вами. Но сейчас речь не обо мне. Речь о Лере.

Ольга обернулась на какой-то звук, прислушалась, потом снова посмотрела в камеру.

— Максим не знает всего. Или делает вид, что не знает. Я уже не понимаю. Его семья скрывала Леру не только от вас. Они скрывали ее от документов, от наследства, от имени. Отец Максима хотел признать внучку. Я видела завещательное распоряжение. У меня была копия. Потом она исчезла.

Максим хрипло выдохнул.

На экране Ольга сжала руки.

— Денис приходил ко мне вчера. Сказал, что у меня есть два дня, чтобы уехать из города и отказаться от любых претензий. Я сказала, что пойду к вам, Алина. Что вы имеете право знать. Он рассмеялся и сказал: “Она первая захочет избавиться от твоего щенка”.

Лера дернулась.

Алина остановила видео.

— Не слушай это.

— Нет, — сказала Лера сквозь слезы. — Я хочу знать.

— Это мерзость.

— Но он так сказал.

Алина посмотрела на нее и поняла: ребенок уже знал достаточно мерзости, чтобы не верить в защитную тишину.

Она снова включила.

Ольга на экране наклонилась ближе.

— Если со мной что-то случится, ищите женщину по имени Марина Викторовна. И не отдавайте Леру Ирине Павловне. Она умеет говорить правильно, мягко, красиво. Но она смотрит на мою дочь так, будто Лера — ошибка, которую можно стереть.

Вдруг на записи раздался стук.

Ольга вздрогнула.

Стук повторился. Громче.

Она побледнела.

— Лера, в комнату! — крикнула она куда-то за кадр. — И закрой дверь!

На видео послышался детский голос:

— Мам?

Лера рядом с Алиной закрыла рот ладонью.

Ольга снова посмотрела в камеру. Быстро, судорожно.

— Если это вы, Алина... простите. Я правда хотела прийти сама.

Стук превратился в удары.

Видео оборвалось.

В кухне никто не двигался.

Даже пленка на разбитом окне вдруг перестала хлопать, будто квартира тоже слушала.

Первым заговорил Максим:

— Это мог быть кто угодно.

Алина повернулась к нему.

Очень медленно.

— Ты правда сейчас это сказал?

Он сжал губы.

— Я просто...

— Просто продолжаешь защищать свою семью?

— Я не защищаю!

— Тогда кого ты боишься обвинить? Мертвую женщину? Испуганного ребенка? Меня?

Он резко побледнел.

— Денис не убийца.

— А Ольга сама себя до смерти напугала?

— Алина!

— Не кричи.

Лера вдруг встала.

— Мне надо в ванную.

Она сказала это спокойно, почти без выражения, но Алина увидела: девочку сейчас вырвет.

— Я провожу.

— Не надо. Я сама.

— Лера...

— Пожалуйста.

Алина не стала спорить.

Девочка вышла из кухни. Шаги ее были ровными до коридора, а потом ускорились. Дверь ванной закрылась.

Через секунду из-за двери послышался глухой плач.

Не детская истерика. Не громкое рыдание.

Зажатый, сдавленный плач человека, который слишком долго старался быть удобным.

Алина двинулась к двери, но Максим перехватил ее за руку.

— Дай я.

Она посмотрела на его пальцы на своем запястье.

Он тут же отпустил.

— Не смей, — сказала Алина тихо. — Не смей сейчас идти к ней со своим раскаянием. Ты будешь отцом потом, если заслужишь. А сейчас ты для нее часть боли.

Максим отшатнулся.

— А ты кто?

Вопрос был злым. Раненым. Бессильным.

Алина застыла.

Кто она?

Жена предателя. Женщина, которой изменили. Никто этой девочке. Чужая тетя в помятом платье, в доме которой вчера сторела годовщина.

За дверью ванной Лера попыталась подавить новый всхлип.

Алина ответила:

— Сейчас — та, кто не уйдет.

И пошла к двери.

Она не стала входить. Просто опустилась на пол рядом, прислонилась спиной к стене и сказала:

— Лера, я здесь.

Плач стих не сразу.

Потом из ванной донеслось:

— Она боялась.

— Да.

— А я думала, она злилась на меня.

Алина закрыла глаза.

— Она боялась не тебя. За тебя.

Долгое молчание.

— А если они придут снова?

Алина посмотрела на Максима. Он стоял посреди коридора белый как мел.

— Тогда встретят не твою маму одну, — сказала Алина. — А меня.

Максим тихо произнес:

— И меня.

За дверью было молчание.

Потом Лера сказала:

— Вам я не верю.

Максим закрыл глаза.

Алина не стала смягчать удар. Он был заслуженным.

В этот момент на кухне зазвонил телефон Максима.

Он пошел за ним медленно, словно каждый шаг давался с трудом. Посмотрел на экран и застыл.

— Кто? — спросила Алина.

Он поднял глаза.

— Мама.

Алина встала.

Телефон продолжал звонить.

Ирина Павловна звонила настойчиво, долго, как человек, привыкший, что ей отвечают.

Алина подошла к Максиму и забрала телефон из его руки.

— Что ты делаешь?

— То, что надо было сделать давно.

Она нажала принять вызов и включила громкую связь.

— Максим? — голос свекрови был сухой, напряженный. — Ты с ума сошел? Почему мне только что позвонил Денис и сказал, что девчонка у вас?

Алина посмотрела на мужа.

Максим не дышал.

Ирина Павловна продолжила:

— Слушай меня внимательно. Никакой полиции. Никаких адвокатов. И тем более не позволяй Алине лезть в это. Она не выдержит. Ты же знаешь, что тема детей для нее болезненная.

Алина улыбнулась.

Холодно.

Почти спокойно.

— Поздно, Ирина Павловна, — сказала она. — Алина уже вошла.

На том конце провода стало тихо.

Потом свекровь произнесла другим голосом:

— Отдай трубку Максиму.

— Нет.

— Алина, ты не понимаешь, с чем связалась.

— Начинаю понимать.

— Эта девочка разрушит тебе жизнь.

Алина посмотрела на закрытую дверь ванной. На Максима. На экран ноутбука, где лицо Ольги застыло в последнем кадре — испуганное, живое, обреченное.

— Нет, — сказала Алина. — Мою жизнь разрушила не девочка.

Ирина Павловна молчала.

Алина добавила:

— Ее разрушил ваш сын. А вы, кажется, помогали.

Свекровь резко вдохнула.

— Ты пожалеешь.

— Возможно.

Алина отключила вызов.

Через секунду пришло сообщение.

С неизвестного номера.

Всего одна строка:

«Не трогай то, что тебе не принадлежит. Следующей разобьется не стекло».

Алина прочитала.

Потом посмотрела на дверь ванной.

И вдруг поняла с пугающей ясностью: назад дороги больше нет.

Ни в брак.

Ни в прежнюю жизнь.

Ни в ту Алину, которая умела закрывать глаза.

Она взяла телефон Максима, открыла сообщение и переслала его Марине Викторовне.

Потом сказала:

— Собирайся.

Максим поднял голову.

— Куда?

— К твоей матери.

— Сейчас?

— Нет, Максим. В следующей жизни.

Он молчал.

Алина пошла в спальню за пальто. У двери ванной остановилась.

— Лера, мы уезжаем ненадолго.

Дверь приоткрылась. Девочка стояла бледная, с красными глазами.

— Вы меня оставите?

Алина присела перед ней.

— Нет.

— Тогда я с вами.

— Это может быть неприятно.

Лера посмотрела на нее почти взросло.

— У меня вся жизнь неприятно.

Алина не нашла, что ответить.

Она только протянула руку.

И Лера вложила в нее свою.

На этот раз — уже без просьбы. Без проверки.

Как будто знала: если сейчас отпустит, ее снова начнут делить взрослые.

Алина сжала маленькую ладонь.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда поедем вместе.

Максим стоял у входной двери.

Среди увядших белых роз.

Среди мокрых следов.

Среди обломков своей лжи.

И смотрел, как его жена и его дочь впервые выходят из квартиры рядом — не как семья, нет.

Как две женщины, которым он задолжал правду.

Глава 5. Свекровь

Дом Ирины Павловны всегда казался Алине слишком тихим.

Не уютно-тихим, не мирным — а вычищенным от всего живого. В нем даже часы тикали будто с разрешения хозяйки. Белые стены, светлый камень в прихожей, тяжелые шторы, идеально ровные подушки на диване, ни одной случайной вещи на поверхности. Здесь невозможно было представить разбитую чашку, детский смех, мокрые ботинки, оставленные у двери.

В этом доме нельзя было просто жить.

В нем нужно было соответствовать.

Алина поняла это еще в первый год брака, когда Ирина Павловна пригласила их на воскресный обед и, посмотрев на ее платье, мягко сказала:

— Милая, у тебя такая интересная фигура. Тебе стоит выбирать вещи, которые не подчеркивают... особенности.

Максим тогда сделал вид, что не услышал.

Алина тоже.

Она много лет делала вид, что не слышит.

Теперь — больше не собиралась.

Машина остановилась у кованых ворот. Максим заглушил двигатель, но из машины не вышел. Он сидел, сжав руль, и смотрел на дом матери так, словно перед ним была не родная дверь, а вход в суд.

На заднем сиденье Лера молчала.

Она держала маленькую сумку на коленях, обеими руками прижимая к себе ремешок. После ночи и утренних записей девочка будто стала еще меньше. Вчера она была чужим ребенком на пороге. Сегодня — ребенком, за которым кто-то пришел через разбитое окно.

— Лера, — тихо сказала Алина, обернувшись. — Ты можешь остаться в машине.

Девочка сразу подняла глаза.

— Одна?

— Я могу остаться с тобой, — быстро добавила Алина. — Максим сам поговорит.

— Нет, — сказал Максим.

Алина повернулась к нему.

— Что значит “нет”?

Он не смотрел на нее.

— Мама должна увидеть Леру.

Лера сжалась.

Алина почувствовала это почти физически.

— Лера не документ, который надо предъявить, — сказала она.

Максим закрыл глаза.

— Я не это имел в виду.

— А что? Что твоя мать посмотрит и вдруг станет человеком?

Он вздрогнул.

— Не надо сейчас.

— Сейчас как раз самое время.

Лера неожиданно сказала:

— Я пойду.

Алина обернулась.

— Ты не обязана.

— Знаю.

— Тогда зачем?

Девочка посмотрела на дом за окном. Большой, светлый, чужой.

— Хочу увидеть, кто хотел, чтобы меня не было.

Максим резко повернулся к ней.

— Лера...

Но девочка уже отвела взгляд.

Алина медленно выдохнула.

В этом ребенке было слишком много взрослой боли. Не драматичной, не показной. Той, которая не кричит, а сидит внутри, сложив руки на коленях, и спрашивает страшные вещи будничным голосом.

— Хорошо, — сказала Алина. — Но ты не отходишь от меня.

Лера кивнула.

Максим открыл дверь машины.

Им не пришлось звонить. Ирина Павловна уже ждала.

Она стояла на крыльце в светлом костюме, с идеально уложенными волосами и лицом женщины, которая не удивляется даже пожару. Только пальцы, сжимавшие край шерстяного кардигана, выдавали напряжение.

Рядом с ней стоял Денис.

Брат Максима.

Алина видела его редко — на семейных праздниках, похоронах свекра, паре официальных ужинов. Красивый, холодный, всегда чуть насмешливый. В семье говорили, что Денис “деловой”, “собранный”, “умеет решать вопросы”. Теперь Алина начала понимать, какие именно вопросы он умел решать.

Он посмотрел на Леру.

Не с любопытством. Не с потрясением.

С раздражением.

Будто девочка была не ребенком, а пятном на дорогом ковре.

— Значит, привезли, — сказал он.

Максим напрягся.

— Денис, не начинай.

— А я еще даже не начал.

Ирина Павловна шагнула вперед.

— В дом. Все.

Голос у нее был ровный, но это был приказ.

Раньше Алина вошла бы первой. Сняла обувь. Поздоровалась. Улыбнулась. Спросила, как здоровье. Подождала, пока ей укажут место за столом.

Сегодня она осталась на месте.

— Мы недолго.

Свекровь посмотрела на нее.

— Алина, не устраивай сцену на улице.

— Почему? Боятесь, соседи услышат, что у вашего сына восемь лет есть дочь?

Лицо Ирины Павловны чуть изменилось. Совсем немного. Но Алина заметила.

— В дом, — повторила свекровь.

Они вошли.

В прихожей пахло дорогими духами и полировкой. Лера остановилась на коврике и посмотрела вниз на свои ботинки. Они были вчерашние, мокрые еще с вечера, с подсохшей грязью по краям.

— Сними обувь, — сказала Ирина Павловна.

Голос был не злой. Даже мягкий.

Но в нем было что-то такое, от чего Лера сразу покраснела.

Алина наклонилась и помогла девочке расстегнуть ботинки. Потом нарочно поставила их не на пластиковый поддон, а прямо рядом с идеально ровным рядом домашних тапочек.

Ирина Павловна заметила.

Промолчала.

Они прошли в гостиную.

Все здесь было так же, как всегда: большой бежевый диван, стеклянный стол, семейные фотографии на каминной полке. Максим в детстве. Денис в школьной форме. Ирина Павловна с мужем на каком-то приеме. Свадебная фотография Алины и Максима тоже стояла там — немного сбоку.

Алина посмотрела на нее.

Она на снимке улыбалась так, будто впереди у нее жизнь.

Теперь это казалось почти неприличным.

— Садитесь, — сказала Ирина Павловна.

Лера не села. Осталась стоять рядом с Алиной.

Свекровь наконец посмотрела на девочку внимательно.

Долго.

Слишком долго.

Взгляд ее скользнул по лицу Леры, волосам, пальто, сумке. Остановился на глазах.

Ирина Павловна побледнела.

На одну секунду.

Значит, сходство ударило даже ее.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Лера.

— Полное имя?

Девочка нахмурилась.

— Валерия.

— Фамилия?

Лера открыла рот, но Алина положила ей руку на плечо.

— Соколова, — ответила она. — Пока.

Денис тихо усмехнулся.

— Вот именно. Пока не надо ничего менять.

Максим резко повернулся к брату.

— Замолчи.

— А то что?

— Денис, — сказала Ирина Павловна.

Одного слова хватило. Он откинулся в кресле и замолчал, но усмешка осталась.

Алина смотрела на них и понимала: они привыкли так общаться. Без лишнего. Мать бросает короткий поводок — сын останавливается. Максим, видимо, тоже всю жизнь жил на таком поводке. Только называл это уважением.

— Вы знали, — сказала Алина.

Ирина Павловна сняла очки, хотя они ей не мешали.

— О чем именно?

— Не играйте со мной. Не сегодня.

— Алина, я понимаю, что ты сейчас на эмоциях.

— Нет. Вы не понимаете. Если бы понимали, не начали бы с этой фразы.

Свекровь посмотрела на Максима.

— Ты позволишь жене говорить со мной в таком тоне?

Максим медленно поднял глаза.

— Да.

Ирина Павловна застыла.

Кажется, этого она не ожидала.

Денис рассмеялся.

— Вот это поворот. Максим у нас внезапно мужчина.

— Денис! — рявкнул Максим.

Лера вздрогнула.

Алина тут же притянула ее ближе.

Ирина Павловна заметила этот жест. Ее лицо стало еще холоднее.

— Зачем вы привезли сюда ребенка?

— Чтобы вы посмотрели ей в глаза, — ответила Алина. — И сказали при ней то, что говорили ее матери. Что она ошибка. Что она сломает всем судьбу. Что лучше бы ее не было.

Лера закаменела.

Максим тихо произнес:

— Алина...

— Нет, — сказала она, не глядя на него. — Хватит прятать слова в красивую бумагу. Вы все восемь лет говорили о ребенке так, будто она проблема. Вот она. Стоит перед вами. Говорите.

Ирина Павловна медленно встала.

— Ты не имеешь права приводить ее сюда и устраивать допрос.

— А вы имели право ходить к беременной женщине и уговаривать ее избавиться от ребенка?

Секунда.

Другая.

Тишина стала такой плотной, что даже Денис перестал улыбаться.

Максим посмотрел на мать.

— Это правда?

Ирина Павловна не ответила сразу.

Потом устало произнесла:

— Я пыталась предотвратить катастрофу.

Лера тихо вдохнула.

Алина почувствовала, как девочка под ее ладонью стала совсем неподвижной.

— Катастрофа стоит рядом со мной, — сказала Алина. — Восемь лет. В пальто на размер больше. С сумкой, в которой мать спрятала доказательства, потому что боялась вашей семьи.

Свекровь резко перевела взгляд на Леру.

— Какие доказательства?

Вот теперь Алина увидела страх.

Настоящий.

Не материнское возмущение, не оскорбленную гордость, а страх человека, который понял: то, что он хотел похоронить, вынесли на свет.

— Значит, есть чего бояться, — сказала Алина.

Денис поднялся.

— Послушайте, хватит. Девочку нужно передать нормальным специалистам. Психологам, опеке, кому угодно. Она пережила стресс, ей нельзя находиться в доме, где истеричная жена выясняет отношения с мужем.

Алина повернулась к нему.

— Повторите.

— Что именно?

— Как вы меня называли?

Он пожал плечами.

— Истеричная жена. Разве нет?

Максим шагнул к нему, но Алина подняла руку.

— Не надо. Я сама.

Она подошла к Денису почти вплотную.

— Это вы приходили к Ольге перед смертью?

Его лицо не изменилось.

Слишком не изменилось.

— К кому?

— К Ольге Соколовой. Матери Леры.

— Я понятия не имею, о чем вы.

— Она записала видео. Назвала ваше имя.

Денис моргнул.

Вот и все.

Маленький сбой. Почти незаметный. Но Алина его увидела.

Ирина Павловна тоже.

— Что за видео? — спросила свекровь.

— То, где Ольга говорит, что вы угрожали ей. И что Денис приходил к ней за докумен-
тами.

Максим повернулся к брату.

— Ты был у нее?

— Чушь.

— Денис.

— Я сказал, чушь!

Лера вдруг заговорила.

Тихо, но все слышали.

— Я вас видела.

Денис замер.

Алина повернулась к девочке.

— Где?

Лера смотрела на Дениса. Лицо у нее было белым, но голос не дрожал.

— У мамы. В подъезде. Вы стояли у лифта. Я несла хлеб из магазина. Мама сказала мне
быстро зайти домой и не смотреть на вас.

Денис усмехнулся, но усмешка вышла кривой.

— Ребенок после стресса может напридумывать.

— У вас был серый шарф, — сказала Лера. — И на руке часы с синим кругом. Я запом-
нила, потому что они блестели.

Алина медленно посмотрела на его руку.

Часы были там.

Синий циферблат.

Максим тоже увидел.

— Денис, — сказал он глухо, — что ты делал у Ольги?

Брат раздраженно дернул рукав пиджака, закрывая часы.

— Решал вопрос, который ты должен был решить сам.

— Какой вопрос?

— Твой.

— Мой ребенок — не вопрос!

Лера вздрогнула от слова “мой”.

Максим это заметил. И, кажется, впервые понял, что отцовские слова тоже могут опаз-
дывать.

Денис презрительно хмыкнул.

— Поздно вспомнил.

Ирина Павловна резко сказала:

— Достаточно.

Но уже было поздно.

Все треснуло.

Семейная вежливость, дорогая мебель, правильные интонации — все это больше не удерживало грязь внутри.

Алина посмотрела на свекровь.

— Ольга умерла после того, как решила рассказать мне правду.

— Не смей намекать на такое, — тихо произнесла Ирина Павловна.

— Я уже не намекаю.

— Ты забываешься.

— Нет. Я впервые помню все.

Свекровь подошла ближе. Ее лицо было почти спокойным, но в глазах стояла злость.

— Ты ничего не знаешь о нашей семье, Алина. Ты пришла в нее со своей болью, со своими несбывшимися надеждами, и Максим носился с тобой как с хрустальной вазой. Мы все молчали, чтобы тебя не добить.

Алина почувствовала, как Максим рядом напрягся.

Но не вмешался.

Ирина Павловна продолжила:

— Да, я знала о ребенке. Да, я считала, что этот ребенок не должен появляться в вашей жизни. Потому что у тебя и так было достаточно... проблем.

— Проблем? — переспросила Алина.

Свекровь бросила взгляд на Леру.

— Ты не могла родить. Ты была нестабильна. Ты годами жила в состоянии горя. И если бы узнала, что у Максима есть ребенок от другой, что бы с тобой стало?

Алина смотрела на нее.

Раньше эти слова убили бы ее.

Раньше она пошатнулась бы, убежала в ванную, плакала бы молча, а потом Максим сказал бы: «Мама не хотела тебя обидеть».

Сегодня боль была. Но она больше не делала Алину слабой.

Она делала ее точной.

— Со мной стало бы то, что должно стать с человеком, которому сказали правду, — ответила она. — Я бы сделала выбор. Сама. А вы все украли у меня это право.

— Мы защищали тебя.

— Нет. Вы защищали себя от неудобной Алины, которая могла уйти. От неудобной Ольги, которая могла потребовать справедливости. От неудобной Леры, которая могла стать Громовой.

Свекровь сжала губы.

— Она не Громова.

Лера едва заметно вздрогнула.

Максим сказал:

— Мама.

Ирина Павловна повернулась к сыну.

— Что «мама»? Ты правда собираешься разрушить все ради девчонки, которую видел три раза в жизни?

Лера опустила голову.

Алина почувствовала, как что-то окончательно оборвалось.

Она подошла к свекрови так близко, что та невольно отступила.

— Еще раз назовете ее девчонкой — и я сделаю все, чтобы каждый человек в этом городе узнал, как ваша семья восемь лет прятала ребенка. Как вы давили на его мать. Как ваш сын лгал жене. Как ваш второй сын ходил к женщине перед ее смертью. Я отнесу записи в полицию, журналистам, адвокатам, соседям — кому угодно. Мне теперь нечего терять, Ирина Павловна. Понимаете? Нечего.

Свекровь смотрела на нее с ненавистью.

— Ты пожалеешь.

— Вы уже это писали.

Денис резко поднял голову.

— Что?

Алина улыбнулась.

— Ой. Или не вы?

На лице Дениса снова мелькнул тот самый сбой.

Короткий.

Достаточный.

Максим увидел.

— Это ты прислал сообщение? — спросил он.

— Какое сообщение?

— “Следующей разобьется не стекло”.

Ирина Павловна повернулась к Денису.

Впервые за весь разговор на ее лице появилась не власть, а тревога.

— Денис?

— Вы все с ума сошли, — резко сказал он. — Из-за какой-то...

Он не договорил.

Потому что Лера вдруг подняла голову и сказала:

— Я не какая-то.

В комнате стало тихо.

Девочка стояла рядом с Алиной, маленькая, бледная, в чужом доме, где ее существование обсуждали как ошибку. Но глаза у нее были сухими.

Серыми.

Максимовыми.

— Меня зовут Лера, — сказала она. — Моя мама умерла. А вы все говорите так, будто я виновата, что родилась.

Алина не дышала.

Максим тоже.

Лера посмотрела на Ирину Павловну.

— Я не просила быть вашей внучкой.

Потом на Дениса.

— И не просила ваши деньги.

Потом на Максима.

На нем взгляд задержался дольше всего.

— Я только хотела знать, почему папа не приходит.

Максим закрыл лицо рукой.

Но Лера уже отвернулась.

Она взяла Алину за руку.

— Можно уйти?

Алина сжала ее пальцы.

— Да.

Ирина Павловна сказала:

— Если ты сейчас увезешь ее, ты возьмешь на себя ответственность, которую не выдержишь.

Алина остановилась у двери.

— Я десять лет выдерживала вашу семью. Ребенка выдержу.

Она не стала ждать Максима.

Не спросила, едет ли он.

Просто вывела Леру в прихожую, помогла надеть ботинки и открыла дверь.

На улице стало светлее. Дождь закончился, но воздух был мокрым и тяжелым. Лера молчала до самой машины. Только когда Алина открыла заднюю дверь, девочка вдруг остановилась.

— Вы правда не отдадите меня ей?

Алина присела перед ней.

— Правда.

— Даже если она скажет, что я не ваша?

Эта фраза попала в самое сердце.

Потому что Ирина Павловна была права в одном: Лера не была ее. Ни по крови, ни по документам, ни по прошлому. Лера была дочерью измены. Дочерью другой женщины. Дочерью мужа, который уничтожил их брак.

Но сейчас перед Алиной стоял не символ предательства.

Ребенок.

Ольга была права.

Она не измена. Она ребенок.

— Иногда взрослые слишком много говорят о том, кто чей, — сказала Алина. — А надо спрашивать проще: кому страшно и кто рядом.

Лера смотрела на нее.

— И вы рядом?

Алина кивнула.

— Пока ты хочешь — да.

Лера вдруг обняла ее.

Неловко, резко, уткнувшись лицом в плечо. Так, будто сама испугалась собственного движения.

Алина замерла.

Потом медленно, осторожно обняла ее в ответ.

За их спиной хлопнула дверь.

Максим вышел из дома. Лицо у него было мертвенно-бледным. В руке он держал конверт.

— Что это? — спросила Алина.

Он подошел ближе.

— Нашел у матери в кабинете. В папке отца.

— Что внутри?

Максим посмотрел на Леру.

Потом на Алину.

— Свидетельство. Старое заявление. И копия распоряжения, где отец признает Леру своей внучкой.

Алина медленно поднялась.

— Твоя мать это хранила?

— Нет, — сказал Максим. — Она это прятала.

Лера отстранилась от Алины.

— А что это значит?

Максим опустился перед дочерью на одно колено.

Он впервые сделал это правильно — не сверху, не как взрослый перед ребенком, а на одном уровне.

— Это значит, — сказал он хрипло, — что ты всегда была частью моей семьи. Просто моя семья сделала вид, что тебя нет.

Лера долго смотрела на него.

Потом тихо спросила:

— А ты?

Максим не ответил сразу.

И это молчание снова сказала больше, чем любые слова.

Лера отступила к Алине.

Маленький шаг.

Но все его увидели.

Максим тоже.

Алина открыла дверцу машины.

— Поехали.

— Куда? — спросил Максим.

Она посмотрела на конверт в его руке.

— К адвокату.

Из дома донесся голос Ирины Павловны:

— Максим!

Он не обернулся.

Впервые.

Алина заметила это.

Но победы не почувствовала.

Потому что настоящая война только началась.

Глава 6. ДНК не нужно

В машине никто не говорил.

Молчание ехало вместе с ними — тяжелое, тесное, как четвертый пассажир. Оно сидело между Алиной и Максимом, на заднем сиденье рядом с Лерой, цеплялось за ручки дверей, ложилось на стекла вместе с остатками дождя.

Алина смотрела вперед.

Максим вел машину слишком аккуратно. Так ездят люди, которые боятся сделать еще хотя бы одну ошибку. Руки у него лежали на руле неподвижно, почти деревянно. На светофорах он не смотрел ни вправо, ни влево. Только перед собой.

Лера сидела сзади, прижавшись к дверце. Конверт, который Максим вынес из дома матери, лежал у нее на коленях. Девочка держала его обеими руками, будто это была не папка с документами, а что-то живое, способное убежать.

— Тебе не тяжело? — спросила Алина, обернувшись.

Лера покачала головой.

— Нет.

Конверт был большой. Плотный. Старый, желтоватый по краям. На нем темно-синим пером было написано: «В. Соколова. Лично».

В. Соколова.

Валерия.

Не Ольга. Не Максим. Не Ирина Павловна.

Лера.

Значит, свекор Максима действительно готовил что-то именно для нее.

Алина почувствовала странное, почти болезненное удовлетворение. Не радость — нет. Радоваться было нечему. Просто где-то глубоко внутри щелкнула маленькая справедливость: ребенок, которого пытались стереть, оказался вписан. Ручкой, документом, старым мужским почерком, но вписан.

Лера провела пальцами по буквам.

— Это мне?

Максим посмотрел на нее в зеркало заднего вида.

— Да.

— А почему оно было у вашей мамы?

Он сжал руль.

— Не знаю.

Алина усмехнулась.

Максим услышал.

— Я правда не знаю.

— Ты слишком часто не знаешь того, что касается твоей дочери.

Лера опустила глаза.

Алина сразу пожалела.

Опять.

Каждая фраза, брошенная в Максима, задевала Леру. Как будто между отцом и дочерью тянулась невидимая нить: дернешь его — больно ей.

Алина выдохнула.

— Прости, Лера. Это было не тебе.

— Я знаю.

Но голос девочки сказал обратное.

Максим свернул к центру. Дом, где находилась юридическая контора Марины Викторовны, был старым, с облупленной лепниной и тяжелой деревянной дверью. На первом этаже — кофейня, закрытая из-за ремонта. На втором — нотариус. На третьем — адвокатские кабинеты.

— Мы точно можем к ней без записи? — спросил Максим.

— После такой ночи — можем, — сказала Алина.

— Она может быть занята.

Алина посмотрела на него.

— Максим, в твою квартиру бросили камень. Твоей дочери угрожают. Ее мать умерла после угроз. Твой брат, возможно, был у нее перед смертью. А твоя мать прятала документы, касающиеся ребенка. Мне кажется, Марина Викторовна найдет для нас десять минут.

Он не ответил.

Лера вдруг спросила:

— А если она тоже скажет, что меня надо отдать?

Алина обернулась.

— Почему она должна так сказать?

— Все говорят.

— Не все.

— Почти.

Алина хотела возразить, но не смогла. За последние сутки Лера действительно слишком часто слышала, что ее нужно куда-то передать, отдать, определить, устроить. Как чемодан. Как проблему. Как чужую вещь.

— Если она так скажет, — произнесла Алина медленно, — мы уйдем и найдем другого адвоката.

— Мы?

— Да.

Лера посмотрела на нее недоверчиво.

— Вы все время говорите “мы”.

Алина замерла.

Она не заметила.

Правда не заметила.

Максим заметил тоже. Его пальцы на руле дрогнули.

Алина отвернулась к окну.

— Иногда так короче.

Лера ничего не ответила, но конверт прижала к себе крепче.

Офис Марины Викторовны оказался неожиданно маленьким. Узкий коридор, три двери, запах кофе и старой бумаги. На стене — выцветшая репродукция с морем. За стойкой сидела молодая девушка с короткой стрижкой и красными глазами человека, который спал меньше всех присутствующих.

— Вы к Марине Викторовне? — спросила она, едва увидев их.

— Да, — ответила Алина.

Девушка посмотрела на Леру.

И лицо ее изменилось.

— Это она?

Лера спряталась за Алину.

Максим шагнул вперед.

— Кто вы?

— Я помощница. Катя. Марина Викторовна ждет вас.

— Ждет? — спросила Алина.

Катя кивнула.

— После вашего сообщения она не уходила домой.

Она открыла дверь.

Марина Викторовна стояла у окна, с телефоном в руке. Женщина лет пятидесяти, строгая, сухая, в темном костюме, но с лицом, на котором за ночь тоже что-то разрушилось. На столе у нее лежали папки, распечатки, флешка, диктофон и чашка с давно остывшим кофе.

Она посмотрела сначала на Алину.

Потом на Максима.

Потом на Леру.

На девочке взгляд задержался.

В нем не было любопытства. Не было жалости сверху вниз.

Была боль.

— Валерия, — тихо сказала она.

Лера напряглась.

— Я Лера.

— Хорошо. Лера.

Марина Викторовна не подошла. Не попыталась обнять. Не стала сюсюкать. Просто слегка наклонила голову.

— Твоя мама очень тебя любила.

Лера посмотрела в пол.

— Все так говорят, когда человек умер.

Адвокат помолчала.

— Да. Но в твоем случае это еще и правда.

У Леры дрогнул подбородок.

Алина почувствовала, как девочка нащупала ее руку. Не взяла, просто коснулась пальцами. Будто проверила, здесь ли.

Марина Викторовна указала на кресла.

— Садитесь. У нас мало времени.

— Почему? — спросил Максим.

— Потому что Ирина Павловна уже звонила двум людям, которые могут осложнить нам жизнь. А Денис Громов прислал мне сообщение с угрозой подать заявление о клевете, если я продолжу «распространять сведения, порочащие семью».

Алина медленно повернулась к Максиму.

— Быстро работают.

Он промолчал.

— Что у вас? — спросила адвокат.

Максим положил конверт на стол.

Лера сразу подалась вперед, будто боялась, что его заберут навсегда.

Марина Викторовна заметила.

— Лера, можно я открою?

Девочка посмотрела на Алину.

Алина кивнула.

— Ты будешь рядом.

Лера тихо сказала:

— Можно.

Адвокат взяла нож для бумаги и аккуратно вскрыла край. Внутри оказалось несколько листов, сложенных вдвое, копия свидетельства о рождении, старое письмо и документ с нотариальной печатью.

Марина Викторовна просматривала их быстро, но с каждой страницей лицо ее становилось все серьезнее.

— Боже мой, — сказала она наконец.

— Что? — спросил Максим.

Она подняла на него глаза.

— Ваш отец действительно признавал Леру внучкой. Неофициально, но письменно. Здесь его заявление о намерении внести изменения в завещание и выделить долю Валерии Соколовой после установления отцовства.

Лера нахмурилась.

— Что это значит?

Марина Викторовна отложила бумаги и повернулась к ней.

— Это значит, что дедушка знал о тебе. И хотел, чтобы тебя не обидели.

Лера долго молчала.

— А почему не пришел?

Вопрос был тихим.

Взрослые переглянулись.

Как ответить ребенку, что одни не приходят из трусости, другие умирают слишком рано, третьи любят только в документах, потому что живьем не успевают?

Марина Викторовна ответила честнее всех:

— Не знаю.

Лера кивнула.

— Все не знают.

Эта фраза упала в кабинет, как маленький камень в глубокий колодец.

Максим сел рядом с дочерью.

— Лера...

Она чуть отодвинулась.

Не резко. Но достаточно.

Марина Викторовна продолжила:

— Самое важное другое. Если эти документы были у Ирины Павловны, значит, она знала о намерениях мужа. И скрыла их. Возможно, после смерти Виктора Сергеевича именно поэтому оригиналы исчезли.

— Это преступление? — спросила Алина.

— Пока — основание для проверки. Если докажем подлог, сокрытие документов, давление на Ольгу, угрозы... Тогда уже серьезнее.

— А смерть Ольги?

Марина Викторовна сняла очки.

— Официально пока несчастный случай.

— А неофициально?

— Неофициально я не верю в такие совпадения.

Максим резко поднял голову.

— Вы думаете, ее убили?

Лера вздрогнула.

Алина тут же положила ей руку на спину.

Марина Викторовна посмотрела на девочку.

— Я думаю, взрослые должны выяснить правду. Без догадок.

— Но вы думаете, — упрямо повторила Лера.

Адвокат не ответила.

И молчание стало ответом.

Лера сжала край кофты.

— Мама упала?

— Лера... — начал Максим.

Она резко посмотрела на него.

— Я спрашиваю не вас.

Максим замолчал.

Марина Викторовна встала, подошла к шкафу и достала небольшую папку.

— Твоя мама боялась, что ей не дадут защитить тебя. Она говорила мне: “Если со мной что-то случится, не позволяйте им сделать из Леры вещь”. Поэтому я скажу тебе так: мы не знаем точно, что произошло. Но мы знаем, что она боялась не зря.

Лера сидела неподвижно.

Потом спросила:

— А меня заберут?

— Не сегодня.

— Потом?

Марина Викторовна посмотрела на Максима, затем на Алину.

— Это зависит от того, кто из взрослых готов взять ответственность.

Алина почувствовала, как слово “ответственность” легло на стол между ними.

Тяжелое.

Юридическое.

Живое.

Максим сразу сказал:

— Я отец. Я заберу ее.

Лера побледнела.

Алина увидела это раньше всех.

— Нет, — сказала она.

Максим повернулся к ней.

— Что значит нет?

— Значит, ты не будешь сейчас решать ее судьбу одним предложением.

— Я ее отец.

— По крови — да.

— Не только по крови.

Алина посмотрела на него.

— А по чему еще, Максим? По восьми годам отсутствия? По открыткам без подписи? По алиментам, которые ты считал отцовством? По выпускному в детском саду, с которого ты ушел, пока она искала тебя глазами?

Он побледнел.

— Ты хочешь, чтобы она осталась с тобой?

Алина замерла.

Вопрос прозвучал почти обвинением.

Лера тоже посмотрела на нее.

Марина Викторовна молчала, но взгляд ее стал внимательным.

Алина медленно вдохнула.

Чего она хочет?

Еще вчера она хотела, чтобы все это оказалось ошибкой. Чтобы девочка исчезла с порога, письмо — из рук, Максим — из вины, а сама Алина проснулась в день годовщины, где мясо не остыло, пирог не просел, а муж не оказался отцом чужого ребенка.

Но желания не возвращают мертвых к жизни.

И не стирают серые глаза у девочки напротив.

— Я хочу, — сказала Алина осторожно, — чтобы Леру перестали передавать из рук в руки. Она не папка. Не наследственное дело. Не доказательство измены. Она человек.

Лера опустила глаза.

— Я могу временно помочь, — продолжила Алина. — Пока мы не поймем, что безопасно. Но решать должен не только Максим.

Марина Викторовна кивнула.

— Разумно.

Максим смотрел на Алину так, будто она ударила его.

— Ты не доверяешь мне даже дочь?

— Даже? — Алина тихо усмехнулась. — Максим, дочь — это не “даже”. Это главное, что тебе нельзя было доверить все эти годы.

Он откинулся на спинку кресла.

— Я хочу исправить.

— Она не школьная ошибка в тетради. Ее нельзя исправить красной ручкой.

В кабинете стало тихо.

Потом Марина Викторовна сказала:

— Нам нужно обсудить еще один вопрос. ДНК.

Лера резко подняла голову.

— Что?

Максим нахмурился.

— Зачем?

— Для суда. Для официального признания отцовства. Если вы признаете добровольно, процедура проще, но экспертиза может понадобиться, особенно если семья будет оспаривать.

Лера посмотрела на Максима.

— Вы не знаете, что я ваша?

— Знаю, — быстро сказал он.

— Тогда зачем проверять?

— Не мне. Суду.

— Суду нужно, чтобы я плюнула в баночку?

Никто не улыбнулся.

Марина Викторовна мягко сказала:

— Иногда взрослые документы требуют глупых вещей.

Лера посмотрела на Алину.

— А вы тоже думаете, что нужен тест?

Алина взглянула на девочку.

Серые глаза. Упрямый подбородок. Привычка прятать боль за колючими фразами. Та же складка между бровями, что у Максима, когда он думает. Тот же способ сжимать губы перед тем, как не заплакать.

ДНК?

Бумага?

Печать?

Какая глупость.

— Мне — нет, — сказала Алина.

Лера замерла.

— Почему?

Алина не сразу нашла слова.

— Потому что иногда правда видна без анализа.

Максим отвернулся.

Лера долго смотрела на Алину. Потом спросила:

— Из-за глаз?

Алина почувствовала, как что-то кольнуло внутри.

— Да, — сказала она. — И не только.

Девочка опустила взгляд.

— Мама тоже говорила, что у меня его глаза.

Максим закрыл лицо рукой.

Марина Викторовна аккуратно сложила документы.

— Юридически экспертиза, скорее всего, понадобится. Но мы не будем делать ничего без подготовки и объяснений. Лера должна понимать, что это не проверка ее права существовать.

— А что это? — спросила Лера.

— Проверка для взрослых, которые слишком долго вдали.

Алина впервые за утро почти улыбнулась.

— Хорошая формулировка.

Марина Викторовна тоже едва заметно улыбнулась, но тут же стала серьезной.

— Теперь о безопасности. После угроз и разбитого окна я рекомендую не возвращаться сегодня в квартиру. И не ехать к Ирине Павловне. Есть кто-то, у кого вы можете остановиться?

Максим сказал:

— У нас есть загородный дом.

Алина резко повернулась.

— Нет.

— Почему?

— Потому что если о нем знаешь ты, знает и твоя мать.

— Тогда гостиница.

— По паспортам вас быстро найдут, если захотят, — сказала адвокат.

Алина вспомнила.

— У меня есть подруга. Ника.

Максим поднял глаза.

— Ты не говорила о ней давно.

— Потому что тебе не нравилось, когда рядом со мной были люди, которые видят больше, чем надо.

Он помолчал.

— Я никогда не запрещал тебе общаться с Никой.

— Да. Ты просто каждый раз говорил, что она плохо на меня влияет. Удивительно, правда? Человек, который советовал мне не глотать молча обиды, плохо влиял на твою жену.

Марина Викторовна тактично посмотрела в бумаги.

Лера же слушала внимательно.

— Подруга добрая? — спросила она.

Алина смягчилась.

— Очень. И громкая. И готовит ужасный кофе.

— У нее есть дети?

— Нет.

— Она любит детей?

Алина задумалась.

— Она любит людей, которые не виноваты.

Лера кивнула.

— Тогда можно.

Максим резко сказал:

— А я?

Алина посмотрела на него.

— Что ты?

— Я с вами.

— Нет.

— Алина...

— Нет, Максим. Ты поедешь в квартиру, заберешь Лерины вещи, мои документы, ноутбук и все записи. Потом поедешь к Марине Викторовне и напишешь заявление. О признании отцовства. Добровольном. Сегодня.

Он побледнел.

— Ты командуешь мной?

— Да.

Марина Викторовна кашлянула.

— В данной ситуации это действительно правильно.

Максим перевел взгляд на нее.

— А вы?

— А я подготовлю документы. И заявление по угрозам. И ходатайство о приобщении материалов Ольги к проверке.

Лера тихо спросила:

— А папа может просто подписать, что я его дочь?

Максим повернулся к ней.

— Да.

— И раньше мог?

Вопрос был маленьким.

Но после него все в кабинете стало огромным: окна, стол, папки, вина Максима, восемь лет.

Он медленно кивнул.

— Мог.

— Почему не подписал?

Максим открыл рот.

Алина внутренне напряглась. Сейчас снова будет страх. Не хотел травмировать Алину. Не знал как. Был сложный период. Думал, так лучше.

Но Максим вдруг сказал:

— Потому что был трусом.

Лера смотрела на него.

— А сейчас не трус?

Он сглотнул.

— Не знаю. Но я попробую.

Девочка кивнула.

— Мама говорила, что пробовать мало.

И отвернулась к окну.

Максим остался сидеть, будто ему дали пощечину.

Алина не пожалела его.

Марина Викторовна убрала документы в новую папку.

— Оригиналы остаются у меня. Сниму копии, заверю. Конверт тоже пока лучше хранить здесь.

Лера напряглась.

— Это мое.

— Да, — сказала адвокат. — Поэтому я дам тебе расписку.

— Что?

Марина Викторовна взяла лист и начала писать от руки.

— Что я, адвокат Марина Викторовна Седова, приняла на временное хранение документы Валерии Соколовой и обязуюсь вернуть по первому требованию законного представителя или самой Валерии при достижении возраста...

Она остановилась.

— Слишком официально?

Лера кивнула.

— Очень.

Адвокат взяла второй лист.

Написала крупно:

«Лера, я взяла твой конверт, чтобы его никто не украл. Обещаю вернуть. Марина Викторовна».

Поставила подпись.

Лера прочитала. Потом аккуратно сложила лист и убрала в сумку.

— Так лучше.

— Согласна.

В этот момент у Алины зазвонил телефон.

Ника.

Алина отошла к окну и ответила.

— Ника, мне нужна помощь.

— Наконец-то, — сказала подруга вместо приветствия. — Я ждала, когда ты это произнесешь лет пять.

Алина закрыла глаза.

От знакомого голоса вдруг захотелось расплакаться. Не красиво, не сдержанно — по настоящему. В трубку. В чужую жизнь, где еще вчера не было Леры, Ольги, разбитого окна и свекрови, которая называла ребенка катастрофой.

— Я серьезно, — сказала Алина.

Ника сразу изменилась.

— Что случилось?

Алина посмотрела на Леру.

— У Максима есть дочь.

Тишина.

Потом Ника сказала:

— Я сейчас приеду и убью его.

— Не надо. У нас и так есть подозрение на одно преступление.

— Что?

— Объясню. Нам нужно где-то переночевать. Мне и девочке. Возможно, на несколько дней.

— Адрес знаешь. Ключ под ковриком больше не держу, потому что ты меня ругала, но я дома через двадцать минут. Приезжай.

Алина выдохнула.

— Спасибо.

— Аля.

— Что?

— Ты цела?

Алина посмотрела на свое отражение в окне: бледная женщина с чужими глазами, в которых за сутки что-то умерло и что-то другое, пугающее, только начинало жить.

— Не знаю, — сказала она честно. — Но я на ногах.

— Тогда стой. Я рядом.

Когда Алина отключилась, Лера спросила:

— Она правда убьет его?

Максим поднял голову.

Алина впервые за весь день почти рассмеялась.

— Нет. Но напугает.

— Хорошо, — серьезно сказала Лера.

Марина Викторовна протянула Алине визитку.

— Звоните сразу, если что-то случится. И еще... не выпускайте Леру из виду. Ни на минуту.

Лера вздрогнула.

— Почему?

Адвокат посмотрела на Алину, потом на Максима.

— Потому что теперь документы нашли. И те, кто хотел их спрятать, могут попытаться спрятать последнее, что доказывает правду.

— Меня? — спросила Лера.

Никто не ответил.

И это было страшнее ответа.

Они вышли из офиса через черный ход, как посоветовала Марина Викторовна. Максим остался подписывать первые бумаги. Лера обернулась на него всего один раз — не как дочь на отца, а как человек, который запоминает, сдержит ли другой человек слово.

— Он правда подпишет? — спросила она, когда они спускались по лестнице.

Алина взяла ее за руку.

— Думаю, да.

— А если нет?

— Тогда мы заставим.

— Мы?

Алина уже не стала поправлять себя.

— Мы.

На улице снова начал накрапывать дождь.

Небо висело низко, серое, тяжелое. Город шумел так, будто в нем ничего не произошло: машины ехали, люди спешили, кто-то выходил из кофейни с бумажным стаканчиком, женщина ругалась по телефону, курьер протискивался между припаркованными авто.

Мир не остановился из-за смерти Ольги.

Не остановился из-за Леры.

Не остановился из-за Алины.

И это почему-то придало сил.

Алина открыла заднюю дверь такси, помогла Лере сесть, сама устроилась рядом. Девочка положила сумку между ними и вдруг спросила:

— А если тест покажет, что я не его?

Алина повернулась к ней.

— Ты боишься?

Лера пожала плечами.

— Тогда никто не должен будет меня брать.

Алина почувствовала, как сердце болезненно сжалось.

Она наклонилась ближе.

— Послушай меня. Тест не решает, нужна ты или нет. Он решает только юридический вопрос.

— А если юридически я ничья?

— Люди не бывают ничьи.

Лера посмотрела на нее.

— Бывают.

Алина хотела сказать: нет.

Но вспомнила детские дома. Брошенных детей. Женщин, которых никто не защитил. Себя в больничных коридорах, когда рядом был муж, а она все равно чувствовала себя ничьей.

— Тогда, — сказала она тихо, — кто-то должен это исправить.

Лера долго смотрела на нее.

Потом спросила:

— Вы зачем это делаете?

— Что?

— Помогаете мне. Я же... от него. От нее.

Алина отвернулась к окну.

Вопрос был самым честным из всех.

Почему?

Потому что Ольга мертва? Потому что Максим виноват? Потому что Ирина Павловна отвлечена? Потому что девочка с его глазами смотрит так, будто заранее прощается?

Или потому что в Лере была боль, которую Алина понимала слишком хорошо: боль человека, которому взрослые объяснили, что его желание быть любимым — неудобно.

— Я не знаю, — сказала Алина. — Пока не знаю.

Лера кивнула.

— Спасибо, что не врете.

Такси тронулось.

Алина взяла телефон, чтобы написать Нике, но экран вспыхнул входящим сообщением. С неизвестного номера.

Фотография.

Сначала Алина не поняла, что видит.

Потом кровь отхлынула от лица.

На снимке была Лера.

Снятая только что.

У выхода из офиса Марины Викторовны.

В том же пальто, с той же сумкой, рядом с Алиной.

Под фотографией было написано:

«ДНК не нужно. Мы и так знаем, чья она. Последнее предупреждение: отдайте девочку».

Алина медленно подняла глаза.

Такси стояло на светофоре.

На соседней полосе — черная машина с тонированными стеклами.

Лера проследила за ее взглядом.

— Это они? — прошептала она.

Алина сжала телефон.

— Пристегнись.

— Что?

— Быстро.

Черная машина тронулась одновременно с ними.

Глава 7. Второй конверт

Черная машина шла следом.

Не слишком близко. Не так, чтобы водитель такси сразу понял: за ними хвост. Она держалась на расстоянии двух-трех машин, перестраивалась плавно, без спешки, исчезала за автобусом и снова появлялась в боковом зеркале.

Алина смотрела на нее и чувствовала, как холод расползается по позвоночнику.

Не паника. Паника была бы проще. Закричать, попросить остановить машину, вызвать полицию, сделать хоть что-нибудь резкое и понятное.

Но рядом сидела Лера.

Ребенок, который уже слишком хорошо знал, что взрослые боятся.

— Пристегнулась? — спросила Алина, не отрывая взгляда от зеркала.

Лера кивнула.

— Да.

Голос у нее был тонкий, но собранный. Слишком собранный для восьми лет.

Алина наклонилась к водителю.

— Простите, вы можете не ехать по навигатору?

Мужчина лет сорока с усталым лицом посмотрел на нее в зеркало.

— В смысле?

— Сверните во двор. Любой. Потом еще раз. Нам нужно проверить, не едет ли кто-то за нами.

Водитель усмехнулся.

— Кино пересмотрели?

Алина протянула ему телефон.

На экране была фотография Леры у выхода из офиса. Снятая несколько минут назад.

Подпись: «ДНК не нужно. Мы и так знаем, чья она. Последнее предупреждение: отдайте девочку».

Улыбка исчезла с лица водителя.

Он быстро глянул на Леру, потом снова на дорогу.

— Это шутка такая?

— Нет.

— Полицию вызвать?

— Пока просто сверните. И не останавливайтесь.

Водитель больше не спорил.

На следующем перекрестке он резко ушел вправо, потом нырнул в узкий проезд между домами. Машину качнуло на яме. Лера вцепилась в ремень безопасности.

— Все хорошо, — сказала Алина, хотя сама не верила ни одному слову.

Такси выехало к старому двору с детской площадкой, обогнуло мусорные баки и снова свернуло. Несколько секунд Алине казалось, что черная машина исчезла.

Она почти выдохнула.

Почти.

Потом машина появилась в зеркале.

Медленно.

Уверенно.

Как будто водитель знал, куда они свернут.

— Видите? — тихо спросила Алина.

Таксист выругался себе под нос.

— Вижу.

Лера повернулась назад, но Алина сразу положила руку ей на плечо.

— Не смотри.

— Почему?

— Потому что им не нужно знать, что ты боишься.

Девочка медленно отвернулась.

— А вы боитесь?

Алина посмотрела на черную машину в зеркале.

— Да.

Лера вздрогнула от честного ответа.

— Но страх не значит, что мы остановимся, — добавила Алина.

Водитель ускорился.

— Куда ехать? В отдел полиции?

Алина уже открыла рот, но остановилась.

Полиция. Официально правильно. Безопасно. Логично.

Только Ольга тоже, наверное, думала, что взрослые институты существуют, чтобы защищать. А потом ее телефон разбили, заявление исчезло, камеры не работали, а ребенок поехал один в такси с чемоданом.

— Нет, — сказала Алина. — Едем к торговому центру на Садовой. Центральный вход. Там много людей и камеры.

— А дальше?

Алина набрала номер Ники.

Подруга ответила сразу.

— Ты где?

— Ника, нас ведут.

Пауза длилась долю секунды.

— Кто?

— Не знаю. Черная машина. Только что прислали фото Леры у офиса.

— Адрес.

— Мы едем к торговому центру на Садовой. Центральный вход.

— Я буду через десять минут. Не выходи туда, где мало людей. И скинь мне номер машины.

— Я не вижу.

Таксист резко сказал:

— Я вижу. Запоминайте.

Он продиктовал номер. Алина отправила его Нике и Марине Викторовне.

Ответ адвоката пришел почти сразу:

«Езжайте в людное место. Полицию уведомляю. Не вступайте в контакт».

Лера читала сообщение вместе с ней.

— Они хотят меня забрать?

Алина убрала телефон.

— Они хотят нас напугать.

— Зачем?

— Чтобы мы отдали документы. Чтобы перестали искать правду.

— Но написали “девочку”.

Алина не нашла, что ответить.

Потому что Лера была права.

Они доехали до торгового центра за восемь минут. Черная машина отстала на последнем светофоре, но Алина не поверила. Такие люди не исчезают просто потому, что потеряли интерес.

Таксист остановился прямо у центрального входа, где толпились люди с пакетами, курьеры, подростки с кофе, женщина с коляской, охранник в темной форме.

— Деньги не надо, — сказал водитель.

Алина удивленно посмотрела на него.

— Что?

— Не надо, говорю. У меня у самого дочка. Идите уже.

Она хотела возразить, но он только махнул рукой.

— Быстрее.

Алина взяла Леру за руку и вышла.

У входа пахло кофе, мокрой одеждой и выпечкой. Люди проходили мимо, не замечая, что для Алины этот стеклянный вход сейчас был крепостью, а каждый незнакомый мужчина — возможной угрозой.

Лера шла совсем близко. Ее пальцы были ледяными.

— Не отпускай меня, — сказала Алина.

— Я не отпущу.

Странно, но прозвучало так, будто это Лера обещала защищать ее.

Они вошли внутрь. Шум торгового центра обрушился сразу: музыка, голоса, объявления, смех, стук каблучков по плитке. После ночи, полиции, адвоката и черной машины этот обычный шум казался нереальным. Люди выбирали куртки, ели мороженое, ругались из-за скидок. Мир продолжал притворяться нормальным.

Ника появилась через семь минут.

Алина узнала ее сразу: яркий плащ, рыжие волосы, быстрый шаг, лицо человека, который сначала ударит, потом спросит подробности. Она влетела через вращающиеся двери, огляделась и направилась прямо к ним.

— Аля.

Только одно слово.

И Алина вдруг почувствовала, что сейчас действительно расплатится.

Но Ника уже смотрела на Леру.

Не с жалостью. Не с любопытством.

С той редкой взрослой нормальностью, которой девочке, наверное, очень не хватало.

— Привет. Я Ника. Я не кусаюсь, но могу, если попросят.

Лера моргнула.

— Кого?

— Плохих людей.

Девочка впервые за утро почти улыбнулась.

— Тогда можно.

Ника кивнула, будто они заключили важный договор.

— Отлично. Пойдемте. Моя машина на подземной парковке. Но сначала — через второй этаж, потом через лифт у кинотеатра. Если кто-то следит, пусть побежит.

— Ты что, в шпионских фильмах снималась? — тихо спросила Алина.

— Нет. Просто я пять лет говорила тебе, что твоя свекровь похожа на главу мафии. Наконец-то пригодилось.

Алина почти рассмеялась. Почти.

Они поднялись на эскалаторе. Ника шла первой, Алина с Лерой за ней. Дважды Ника останавливалась у витрин, делая вид, что рассматривает обувь и сумки, а сама смотрела в отражения.

— Есть кто? — спросила Алина.

— Пока не вижу.

— Пока?

— Аля, я не буду врать ребенку. Или тебе.

Лера внимательно посмотрела на Нику.

— Вы тоже не врете?

— Стараюсь. Иногда вру, что люблю кабачки. Но это вежливость, а не предательство.

На этот раз Лера улыбнулась по-настоящему. Быстро, на секунду, но улыбнулась.

Алина увидела эту улыбку и почувствовала, как внутри что-то болезненно дрогнуло.

Такой могла быть другая жизнь.

С ребенком. С покупками. С подругой. С обычным утром после плохой погоды. Без документов, угроз и мертвых женщин в записях.

На втором этаже зазвонил телефон.

Максим.

Алина не хотела брать трубку.

Но взяла.

— Где вы? — спросил он без приветствия.

— В безопасном месте.

— Что значит в безопасном? Марина Викторовна сказала, вам угрожали.

— Не угрожали. Уже преследовали.

— Я сейчас приеду.

— Нет.

— Алина!

Лера напряглась, услышав его голос.

Ника подняла бровь.

Алина отвернулась к витрине.

— Максим, ты подписал документы?

Пауза.

— Подписываю.

— Вот и занимайся этим.

— Я должен быть рядом с Лерой.

Алина посмотрела на девочку. Та делала вид, что рассматривает витрину с мягкими игрушками, но слушала каждое слово.

— Ты должен был быть рядом восемь лет. Сегодня подождешь сорок минут.

Максим замолчал.

Потом сказал тише:

— Я заслужил это.

— Не начинай.

— Алина, в конверте было еще кое-что.

Она замерла.

— Что?

— Я не хотел говорить по телефону, но...

— Говори.

— Там была квитанция от камеры хранения. Старый вокзал. Я сначала не понял, думал, это случайная бумага. Марина Викторовна посмотрела — срок хранения продлевался несколько раз. Последний раз три дня назад.

Алина медленно закрыла глаза.

Второй конверт.

Нет. Не второй.

Еще один.

Ольга будто оставляла следы на случай собственной смерти. Хлебные крошки для тех, кто решит идти до конца.

— Что в ячейке?

— Не знаю. Нужен ключ.

Алина посмотрела на Лерину сумку.

— Ключ был подвеской?

— Нет. Карта памяти — от другого. Для камеры хранения нужен обычный ключ с номером.

Лера вдруг повернулась.

— У меня есть.

Алина опустила телефон.

— Что?

Девочка расстегнула маленький внутренний карман сумки и достала связку: два ключа на простом металлическом кольце. Один маленький, от почтового ящика или чемодана. Второй — плоский, с пластиковым синим брелоком. На брелоке черным маркером было написано: 47.

— Мама сказала, это от старого шкафчика, — сказала Лера. — Просила не терять.

Алина снова подняла телефон.

— Максим, номер ячейки сорок семь?

Пауза.

— Да.

Ника тихо выругалась.

Лера сжала ключ.

— Там мамины вещи?

Алина не знала.

Максим в трубке сказал:

— Не едьте туда. Я сам.

— Нет, — резко сказала Алина.

— Это опасно!

— Именно поэтому ты не поедешь один. И мы тоже не поедem одни.

— Лера не должна быть там.

Девочка выпрямилась.

— Это мой ключ.

Алина посмотрела на нее.

— Лера...

— Мама дала его мне. Не ему. Не вам. Мне.

В ее голосе не было каприза. Только упрямое, отчаянное право хоть на что-то в собственной жизни.

Ника присела перед ней.

— Маленькая, там может быть очень неприятно.

— Я не маленькая.

— Знаю. Но тебе восемь.

— А неприятно мне уже давно.

Ника подняла глаза на Алину.

— Она мне нравится.

— Ника.

— Что? У ребенка характер. Это хорошо. Без характера нас тут всех съедят.

Алина снова поднесла телефон к уху.

— Максим, едем к старому вокзалу. Ты, Марина Викторовна и мы. В людном месте. Откроем ячейку вместе.

— Я против.

— Запиши это в дневник.

Она отключила вызов.

Ника присвистнула.

— Вот теперь я узнаю свою девочку.

— Я не твоя девочка.

— Была, есть и будешь. Пошли.

До вокзала они ехали в машине Ники. Лера сидела сзади между Алиной и детским креслом, которое Ника почему-то держала в багажнике для племянника. Девочка всю дорогу держала ключ на ладони.

— Мама часто ездила на вокзал? — спросила Алина.

— Нет. Один раз брала меня с собой. Сказала, мы играем в секрет.

— Когда это было?

— Неделю назад. Наверное. Она была странная.

— Как странная?

Лера нахмурилась, вспоминая.

— Все время оглядывалась. Купила мне булочку, хотя денег почти не было. Потом сказала: “Если я стану трусихой, ты мне напомнишь, что я мама”. Я не поняла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.